

А. Калина

Когда гаснут звезды.

А Калина

Когда гаснут звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72469504

SelfPub; 2025

Аннотация

Марфа Никифоровна родилась в маленьком рабочем поселке Ягодный в простой рабочей семье. Деспотичный отец и смиренная мать так сильно повлияли на характер девушки, что она сама решила вершить свою судьбу. Однажды она просто сбегает из дома на встречу к своей мечте. Пройдя путь: где пешком, где на попутке, Марфа попадает в поселок Заводской, где недавно открыли завод и заработало училище. В этом поселке и начинается её новая жизнь, где она будет жить, работать, влюбляться и разочаровываться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	97

А Калина

Когда гаснут звезды

Глава 1

Когда гаснут звезды.

От автора.

Все герои вымышлены, как и города и села. Все совпадения случайны. Такие поселки, такие города и такие люди есть в каждом уголке нашей страны, были и будут. Они не великие ученые, не знаменитые артисты и спортсмены. Они просто люди, которых вы каждый день видите на улице, проходя мимо них и не замечая. У каждого из них есть своя история жизни, любви и ненависти. Каждому просто хочется жить, пока внутри горят звезды.

Пролог.

Еще только было четыре часа утра, а за окном уже занималась заря, светлело небо, нежно пел соловей в яблоневом саду. Марфа сладко потянулась на скрипучей кровати, рывком заставила себя сесть и, прищурив один глаз, стала рассматривать календарь на противоположной стене.

– Жаль... – произнесла вслух Марфа и медленно стала вставать с постели.

На соседней койке завозилась соседка по комнате, Наташ-

ка. Она зевнула и, не открывая глаз, спросила:

– Который, Марф?

– Спи, десять минут пятого.

– Ох, и жаворонок ты... – и снова зевнув, поинтересовалась, – Куда так рано собралась?

– Не спиться...

– Все выходного поскорее ждешь?

– Жду...

– Ну, жди, а я еще часочек досплю... – и, отвернувшись к стенке, замолчала.

Марфа встала у окна, задумалась, и через мгновение, как будто очнулась. Дернулась всем телом, накинула быстро на себя халат, опрокинув стул на котором тот висел, и вылетела из комнаты прочь. От грохота Наташка подскочила на кровати и ругнулась:

– Сумасшедшая, разве так можно?!

Марфа уже её не слышала. Она летела по скрипучим ступенькам вниз, шлепая босыми ступнями, и задыхаясь, жадно хватала ртом воздух. «Лишь бы успеть! Лишь бы успеть!»: – повторяла она себе.

Марфа толкнула руками входную дверь и вылетела на улицу. Остановилась, огляделась, рванула было вправо, но там уже никого. Тогда рванула налево, но и там была совершенно пустая улица.

– Господи... Господи, – она схватила лицо руками, – Опять померещилось... Господи...

Марфа медленно прошла на скамейку у подъезда, села на неё и, опустив голову вниз, тихо заплакала.

Часть первая.

Марфа Никифоровна Лебедева родилась в 1920 году седьмого марта в селе Ягодное в маленькой доме, что одним боком стояло к обрыву оврага. Рождение её было не радостным, а даже печальным событием. В семье простого рабочего Никифора Николаевича Лебедева и супруги Варвары Федоровны уже было четыре дочери. Ждали, конечно, сына, а Варвара Федоровна снова подарила этому свету дочь. В тот день Никифор расколотил все горшки в доме и ушел в кабак, пропивать отцовский тулуп. Три дня пил, а потом заявился домой и устроил полный дебош. Все перевернул, всех из избы выгнал, а потом заснул на пороге и не давал своим телом войти супруге с детьми в избу. Ночевали тогда у соседей, что привыкли к таким сценам. Характер же у Варвары Федоровны был смиренный, она сносила все унижения, лишения, все всем прощала. А и куда ей было деваться? Вокруг гремела гражданская война, наступал повсюду голод, да и родни у неё так таковой и не было, где бы схорониться. А через год снова родилась дочь, вот только у Варвары от недоедания молоко вовсе пропало, и девочка вскоре умерла. За ней скоро умерла от горячки и трехлетняя Олечка и Никифор Николаевич даже тогда немного повеселел.

– Лишний рот из избы... баба с возу – кобыле легче... – приговаривал сухо Никифор.

– Ах, мать божья, над чем смеешься? Над чем, ирод? – плакала тогда Варвара Федоровна.

Никифор не замечал слез жены. Так ему хорошо от этого было, что даже характер свой смягчил, нет-нет, да похвалит супругу свою за обед вкусный или же дочек, что пол чисто подмели.

Недолго это продлилось. Уже в 1923 году родилась младшая сестра Марфы – Зинаида. Родилась на зависть всем крупненькой и голосистой. А потом понеслась череда преждевременных родов и мертвых младенцев, пока в 1930 году в аккурат на первое мая не родился долгожданный сын – Константин. Это были последние роды Варвары Федоровны, а более она больше не понесла.

Теперь все внимание было приковано к маленькому Косте, а Никифор Николаевич от счастья не знал, куда себя деть. То свистульку ему принесет, то лошадку раскрашенную, то пряник. Девочки завидовали брату, такого им отец никогда не дарил. Марфа все время норовилась отнять у Кости игрушки, поиграть с ними, но брат поднимал такой дикий вопль, что все заканчивалось криками отца и матери.

– Такая взрослая, а у бедного дитё свистульку забрала! Нужна она вот тебе? – кричала на неё Варвара Федоровна.

Обидно было Марфе. Побитая она долго плакала в сенях, пока слезы не прекращали сами литься, а потом все повторялось вновь.

Но, наверное, будет правильным, рассказать, как получи-

лась на свет семья Лебедевых. Никифор никогда не любил своих дочерей и супругу свою тоже. Женился он на Варваре в 1913 году, когда той только стукнуло семнадцать. Никифору же было около тридцати и был вдов уже как пять лет. Никто в Ягодном не хотел за него своих дочерей выдавать. А все из-за его дурного характера. Не любил он женщин, даже мать свою и ту не ставил ни во что. Ходили слухи, что первую жену забил до смерти, а всем рассказывал, что от болезни на тот свет ушла. Детей с первой женой у него не было, хотя опять же слух ходил, что дитя носила она в себе, когда он её убил. Да кто ж тогда проверял?

Пять лет Никифор после смерти первой жены водку в кабаках лакал. На смену на завод ходил исправно, а после сразу в кабак и так каждый день, пока все деньги не прикончит. Потом уж в долг продолжал и лишь когда ему прекращали давать займы, приходил в себя и после смены стоял у кабака и кидался на всех с кулаками:

– Стервы! Дайте выпить!

Однажды в его избу, что стояла у края оврага, вошел седой маленький старичок в лаптях и в залатанной рубашке. Вошел и молчит, фуражку в руках от волнения мнет.

– Чего тебе, старик? Милостыню что ли просишь? – непонимающе спросил его Никифор, – Так у меня самого ничего нет. Хошь, иди да смотри. Ни-че-го-ше-ньки! – и расставил руки в стороны.

Старичок помялся еще на пороге, а потом, опустив глаза

в пол, все-таки заговорил:

– Никифушка... дорогой ты мой... смилуйся над стариком. Не завтра, так уж на днях душа в рай запроситься, а у меня внучка, сирота круглая... Нет у неё никого...

– Ты чего, старик, внучку, что ли сватаешь?

– Сватаю... да Варвара девка-то хорошая, да как меня не станет, пропадет. Жилье мое ты и сам видел. Давно крыша прохудилась, вот-вот на бок изба завалиться, а зимой так и топить без надобности, все равно через щели все тепло на улицу выходит.

– Да ты погоди, старик. Откуда она взялась то у тебя, внучка твоя? Жил ты вроде один...

– Жил, а по весне пришла она... мать с отцом от холеры померли... – старик рукавом стер с лица слезы, – Пожалей ты меня, Никифушка. Как я её без надсмотру оставлю? Да и тебе бы женой хорошей стала. А, Никифушка?

Никифор Николаевич тогда недолго думал. А, что? Горячей еды он уже пять лет не видал, в избе пыль столбом, тараканы в печи хозяйничают. Давно не беленная печь да занавески на окнах порваны, штаны на нем самом давно прохудились, а починить и некому. Вот за этим и согласился жениться на Варваре. Отыграли свадьбу, а через три дня представился на тот свет старик, прямо на скамейке у покосившегося дома.

Так и началось житье-бытье у Никифора с Варварой. На следующий год родилась первая дочь – Анна, а вскоре и вой-

на началась. Вокруг суета, кто ура войне кричит, кто плачет, провожая на фронт кормильца, кто пропивает последнее то ли от радости, то ли от горя. Никифор же на фронт не хотел, да на его счастье его признали непригодным для строевой службы и отправили обратно на завод. Работал как обычно без энтузиазма, лишь бы копеечку заработать, да прогулять. А тем временем дома Варвара Федоровна, как пчелка, занималась нехитрым хозяйством, чтобы все как у людей, чтобы супруг радовался и её не обижал. В 1915 году родила уже вторую дочь – Марию. Ругался тогда Никифор, не разговаривал с супругой весь месяц. В 1917 году родилась снова дочь – Наталья. Кричал Никифор, швырял вещи, сундук вверх дном лежал перевернутый, да только девочка прожила всего неделю и умерла. На следующий год родилась Олечка. Никифор был вне себя из-за гнева.

Жизнь и без того была тогда сложной, голодной, в вечной нужде, а тут еще красные с белыми пол завода угрохали. Вместо трех цехов, стоял только один и у того вместо крыши теперь небо голубое. Да и рабочих в прочем не было, все кроме стариков и Никифора, ушли на фронт. Вот тут то и родилась вскоре Марфа и имя дали ей так, от балды, без какой-либо цели, без какой-либо идеи. Все лишь думали, как прожить эти сумрачные голодные дни. Потом родилась Зинка, и уж наконец-то – Константин.

А жизнь продолжалась и девочка росла и крепла. Ходила в школу, помогала матери полы мыть в яслях при заводе.

Теперь и Варвара Федоровна работала и приносила копейку в дом. На улицу выходила Марфа редко, отец и мать ей запрещали.

– По дому работы много, а тебе бы лишь шлындрить, – шипела на неё Варвара Федоровна.

А в хозяйстве то и было: одна корова, два поросся, да с десяток куриц. Вот оно хозяйство.

В 1932 году Анну, её старшую сестру выдали замуж за хромого Ваську Косогорова. Никифор сам ходил к Косогоровым сватать свою старшую дочь, а те и рады. Куда ему хромому выбирать, да еще тик у парня нервный. Мать Васьки была продавщица в хлебном магазине, а отец учитель истории. Кроме Васьки был у них еще старший сын – Федька, да тот спортсмен и в институт метит. Далеко пойдет! Но почему же Васька? Никифор считал, что раз мать у него работает в хлебном, то уж и сын её голодать никогда не будет, да и отец приличный человек, уж поможет устроить жизнь сыну. А за его ущербность кичиться не будут, обрадуются и такой невесте.

Плакала Анна на свадьбе, все бегала на улицу подышать, да вытереть слезы и снова, не выдержав, редела. А после свадьбы переехала в маленький дом Косогоровых на другой конец села и больше никогда не навещала родителей.

На следующий год Никифор выдавал уже Машу за вдового мастера цеха со своего завода. Серафим Игнатьич сорока трех лет имел уже троих взрослых сыновей, а жены у него не

было более семи лет. Когда Никифор стал ему сватать свою дочь, он сначала разозлился, а потом вспомнил, что и забыл, когда в последний раз ел горячие щи, да слушал женский голос, кроме, как на работе. Согласился он, а Марию никто и не спрашивал. Отца она боялась, да тот с неделю её за косу по дому хорошо оттащил, что на свадьбе своей Мария даже уже не плакала, а просто смирилась с судьбой.

Не могла смириться только с этим Марфа, знала, что это и её ждет. В пятнадцать лет, как закончила школу, собрала свои вещички в узелок и сбежала из дома рано утром, пока все спали. Сбежала за пятьдесят километров в строящийся поселок Заводской. Где пешком, где подвода брала с собой, где водитель грузовика подвез. Ночевала в дороге вместе с обозом, груженный лаптями, да корзинами плетеными. Марфа все удивлялась тогда, спросила у старичка:

– Неужто, дедушка, кто-то лапти еще покупает?

– А я их не продавать везу, это я в детский дом, а там ужо разберутся куда в них ходить. Да я и другого делать и не умею. С малолетства плету лапти и корзины.

– И корзинки им тоже отдадите?

– А чего бы и нет? Ну, мож пятак и продам на базаре и лаптей чуток продам, а остальное, как сказано – ребятишкам. А хошь, и тебе корзинку подарю?

– А хочу! – обрадовалась Марфа.

В тот вечер она получила свой первый в жизни подарок – плетеную корзинку! Какое же это было счастье!

В поселок она уже вошла не только с узелком нехитрой одежды, но и с новой корзинкой. Стояла Марфа посреди поселка, одетая в ношенную коричневую кофту, в залатанной юбке и развалившиеся по дороге туфли, что досталось еще от старших сестер, и не могла насмотреться на новое здание клуба, заводские цеха, дома и на цветы, что были посажены на клумбах. Такое чувство торжества охватило её, что на какое-то время она даже забыла, зачем приехала. И только шум и грохот проезжающих мимо грузовиков привел её в себя, и стала Марфа приставать к прохожим, спрашивая, где тут находится техникум. Знала, отец с матерью не одобряют этот поступок, а ей так хочется получить профессию...

– Деточка, – вдруг рядом остановилась какая-то женщина в коричневом пиджаке, – У нас нет техникума, но есть училище при заводе. Ступай за мной, я тебя сейчас провожу.

Они шли вдоль новых двухэтажных домов, а мимо пробежали люди в рабочей спецовке. Все здоровались с женщиной и внимательно рассматривали Марфу. От такого внимания девочка вся съежилась, прижала узелок с одеждой к груди.

Вскоре они повернули куда-то во дворы и неожиданно оказались у белого здания, перед которым росла большая раскидистая ива.

– Ну, вот и пришли, – произнесла женщина, – Вот и наше училище. Ты, кстати, деточка, откуда?

– Из Ягодного... – неуверенно ответила Марфа.

– Занесло, однако, тебя! Ну, пошли...

Они вошли поспешно в здание, и Марфу сразу обдало резким запахом краски и побелки. Она не произвольно поморщилась и женщина заметила это:

– Ремонт! Готовимся к новому учебному году...

Они шли по светлому коридору, вдоль которого стояли кашпо с фикусами, на стенах висели портреты ученых и писателей. Повернули куда-то налево и вошли в большой просторный кабинет.

– Зоя Степановна, вот учиться хочет. Привела прямо к вам! – произнесла торжественно женщина в коричневом пиджаке.

Та, к которой обратились, лениво подняла свой взор на Марфу и спросила:

– Документы?

Марфа стояла в ступоре и большими серыми глазами смотрела то на неё, то на женщину в коричневом пиджаке, что села за стол и бесцеремонно закурила.

– Документы? – повторила Зоя Степановна.

– Ты что, не взяла с собой никаких документов? – спросила тогда её женщина в коричневом пиджаке, – Добиралась к нам, аж, из самого Ягодного и без документов об окончании школы?

Марфа вдруг покраснелась, захлопала носом и, осев на корточки, громко зарыдала.

– Ну-ну, еще мне этого тут не хватало! – рассердилась Зоя Степановна, – Ольга Георгиевна, вы кого мне привели?

Женщина в коричневом пиджаке быстро затушила сигарету, встала и подошла к девочке.

– Слезами горю не поможешь. Без документов нельзя. Что же будем делать?

– Не-незнаю, – немного заикаясь, ответила Марфа.

– А я знаю! Вставай, пошли за мной! – потом повернулась к Зое Степановне и произнесла, – Зоинька, передай Кузьме Васильевичу, что я задержусь. У меня все равно на сегодня нет первой пары.

Зоя Степановна кивнула головой в знак согласия и снова принялась перебирать бумаги на столе.

– Пошли за мной. Не отставай! – громко обратилась к Марфе женщина в коричневом пиджаке и вышла из кабинета.

Шли они недолго, всего один поворот и вошли в деревянный новый в два этажа дом. Женщина ловко открыла свою комнату и сделала рукой жест, чтобы Марфа вошла.

– Заходи, не бойся, – успокаивала она её, – Это моя комната. Садись за стол, сейчас чаем напою и накормлю. Небось, голодная!

Марфа неуверенно вошла в просторную комнату, огляделась и, прижав к себе узелок и корзинку, так и осталась стоять на месте.

Когда в комнату снова вбежала женщина в коричневом пиджаке и с чайником в руке, то сразу та занегодовала:

– Чего же ты вцепилась в свои вещи? Никто их не унесет!

Положи сюда, на стул рядом и сама присаживайся. Кипяток уже готов!

Марфа аккуратно положила на стул корзинку, а на неё узелок и сама села рядом. Женщина в это время доставала стаканы, вытащила из буфета какой-то сверток и положила на стол. Развернув пергамент, на божий свет показались два румяных пирожка и три варенных яйца.

– На работу собирала, да забыла утром, – оправдывалась женщина в коричневом пиджаке, – Бери и ешь, все ешь, а я в столовой поем. Тебя, кстати, как зовут?

– Марфа... – тихо ответила девочка.

– А меня Ольга Георгиевна. Будем знакомы. Да ты ешь, ешь... – она ловко подлила в стаканы чай и один придвинула прямо к Марфе, – На кого учиться то хочешь?

Марфа в ответ пожала лишь плечами.

– Как же так? Добиралась аж из самого Ягодного, а на кого поступать будешь и не знаешь. Не порядок.

Марфа, не переставая жевать пирожок, захлюпала носом.

– Ну, чего же ты реवेशь? Сбежала, небось, из дома без спросу и реवेशь?

– Угу...

– Эх, Марфа. Что же... Переночуешь у меня сегодня, а завтра уж и разберемся, – и, не много помолчав, вдруг спросила, – Как же ты добралась то до нас? Дорог от Ягодного толковых еще нет.

– Где ногами, где подвезет кто, вот и добралась. А домой

мне нельзя. Не пустят они меня учиться.

– Это еще почему?

– Лишнее это, голову чепухой забивать. Так они говорят.

– Ничего не лишнее!

– Вот и я о том им толдычу, а они... эх...

– Выучиться к примеру ты выучишься, а дальше? Работать где собираешься? У себя в Ягодном на заводе или тут у нас?

– Да что, вы! – воскликнула вдруг Марфа, – Какой там уж у нас завод. Так, два цеха и котельная. Нет, не хочу на наш завод. Старое там все, громыхает, руки часто людям рвет...

– Наслышаны мы про ваш завод. Хозяина там хорошего не хватает. Но только ты знай, если у нас учиться все-таки не передумаешь, то и работать будешь на нашем заводе. Для себя мы специалистов растим. Заводу нашему всего пять лет после запуска, каждым работником дорожим, особенно профессионалом своего дела. Два года отучишься, а там и работать начнешь. Общежитие у нас тоже имеется. Где жить тебе будет! На танцы в клуб бегать будешь, а если нездоровиться, так у нас больница построена год назад. Все для людей у нас есть и еще сколько будет построено!

Вскоре Ольга Георгиевна убежала на работу, оставив Марфу в комнате одну. Та долго сидела за столом, потом прошла по комнате, осмотрела книжные полки, старую фотокарточку на стене, потом снова села за стол и там же, подложив под голову свой мешок с вещами, заснула.

Когда Ольга Георгиевна уже пришла с училища, то застала девочку спящей вот в таком положении. Она тихонько села рядом и присмотрелась. Жаль было ей девочку, бедно была она одета, диковата была. Вот и она когда-то тоже оказалась в полном одиночестве в городе с таким же узелком и работала то нянькой у одних, то домработницей у других, пока её добрые люди другой путь не показали, не помогли получить образование.

На следующее утро Ольга Георгиевна рано утром ушла из дома и пошла напрямик к Кузьме Васильевичу, директору училища. Застав его за завтраком, она неловко извинилась и стала рассказывать о девочке из Ягодного.

– Что же вы предлагаете, Ольга Георгиевна? – вмешалась в разговор жена директора.

– Вы, разве не понимаете? Её судьба зависит полностью от нас! Нам нужно съездить к её родителям, объяснить и забрать документы. Она должна у нас учиться!

– Вы, что, предлагаете ради одной девчонки топливо жечь? – не унималась супруга директора.

Сам Кузьма Васильевич вытер рот салфеткой и гнусаво произнес:

– Вы сошли с ума, Ольга Георгиевна. Это что-то личное? Если вас так обеспокоила судьба этой девочки, то я могу лишь посоветовать дожждаться послезавтра. Машина поедет до Степановки за краской, а там может и в Ягодное заехать. Конечно, вам придется самостоятельно договориться

об этом с водителем. Вы, понимаете?

– Конечно, Кузьма Васильевич. Спасибо вам, дорогой!

Ольга Георгиевна быстро откланялась и вылетела из дома директора. Уже через день она и Марфа ехали на грузовике по неровной ухабистой дороге. Загрузив кузов краской, водитель, нехотя, поехал в сторону Ягодного, до которого оставалось десять километров.

Всю дорогу ладони Марфы потели от волнения и страха. Ей казалось, что её просто отдадут родителям, и она уже никогда не сможет от них уехать, и уж точно повторит судьбу старших сестер.

И вот грузовик завернул в поселок, проезжая мимо стареньких знакомых с детства потемневших домов, мимо любопытных сельчан и небольшого завода, что здесь располагался.

– Марфа, куда ехать дальше то? – спросила Ольга Георгиевна девочку.

– До самого конца по улице, а там последний дом у оврага наш, – ответила та, рассматривая внимательно знакомые ей с детства улицы.

Чудно было глядеть на все из кабины грузовика, как будто стал важнее и выше всех.

Впереди показалась родная избушка, что стояла одним боком к оврагу. Из неё вышел пятилетний Костя на шум и с интересом стал разглядывать машину.

Как только водитель заглушил мотор, и Ольга Георгиевна

вышла вместе с Марфой из кабины, из-за ворот пулей вылетела Варвара Федоровна с полотенцем в руках.

– Марфа, доченька... – вырвалось из её груди.

Она хотела было броситься к дочери, как из-за ворот вышел, покачиваясь из стороны в сторону, Никифор Николаевич. Завидя дочь, он утробно зарычал, оттолкнул супругу в сторону и бросился к дочери.

– Стерва! Убью!

Ольгу Георгиевну сковал сначала страх от происходящего, но взяв себя в руки, она спрятала девочку за своей спиной и крикнула:

– Только троньте и я вас под суд отдам! У меня тут достаточно свидетелей! К тому же я приехала не отдать вам вашу дочь, а забрать её документы! Она уедет со мной обратно и будет учиться!

Никифор не слушал её речей, от него крепко пахло водкой. Он оттолкнул Ольгу Георгиевну и та, больно ударившись плечом о дверь грузовика, закрыла на миг глаза. Марфа же успела увернуться и побежала в сторону, где сидел ошеломленный водитель.

Придя в себя, Ольга Георгиевна бросилась к девочке, но разгневанный и нетрезвый отец уже схватил ту за рукав и тащил её в сторону дома.

– Как вы смеете?! Я сейчас же обращусь в милицию! Вас арестуют! – кричала Ольга Георгиевна вслед Никифору.

– Молчи, тля подзаборная! – только и крикнул тот жен-

щине.

Тогда тут вышел, все время молчавший водитель. Он выскочил из кабины, быстро подошел к пьяному мужчине, вырвал из его рук девочку и одним рывком заломил тому руку за спину.

– Вроде мужчина, а ведешь себя, как... – водитель не договорил, а только сделал Никифору больнее, – Устроил дебош, как пес шелудивый. Документы дочери отдай и валяй лакать водку. Чего девку замордовал? Стыд последний растерял? Небось, героем себя чувствуешь? Чужие люди больше о судьбе твоей дочери беспокоятся, чем отец и мать родные. Стыд и позор.

Отпустив руку Никифору, водитель сделал шаг назад и видимо стал ждать нападения, но тот лишь схватил больную руку, прижал её к груди и, пятясь назад, осел на скамейку у дома.

– Времени у меня на вас нет. Несите уже документы что ли, – произнес сурово водитель.

Варвара Федоровна посмотрела вопросительно на мужа, то на водителя, а потом быстро побежала в дом. Оттуда она вынесла тряпицу, из которой был виден краешек документов.

– Вы только берегите доченьку мою... – передавая Ольге Георгиевне, со слезами произнесла она.

Так и началась у Марфы новая жизнь в поселке Заводском. Сначала училась, потом работать на заводе стала. Оль-

га Георгиевна стала ей вместо матери, все время наставляла, помогала ей.

Училась Марфа хорошо и работала так же. Хвалили её, в пример ставили, даже в местной газете о ней успели написать.

Девочка вскоре выросла в девушку и вслед ей стали смотреть молодые парни, приглашать на свидания.

В 1938 году стал за ней бегать Лешка Корольков, местный балагур и бабник. Понравилась ему Марфа, все на свидания её приглашал. Ходили они по парку три раза, пирожки ей покупал, мороженое, за ручку все брал её и в любви признавался. Вот только Марфа ему не верила и не воспринимала его всерьез. Девчонки по комнате смеялись над ней.

– Дуреха, за ним столько девчонок бегают, а он тебя выбрал. Смотри, отобьют у тебя парня, докрутишься носом, плакать потом будешь.

– Ну и пусть, не нужен он мне... – отвечала им Марфа.

Леша же еще несколько месяцев бегал за ней, в кино приглашал, даже жениться обещал, но Марфа в конце концов отклонила его ухаживания и снова окунулась полностью в работу.

Многие девчонки тогда её возненавидели. Ишь, крутила-крутила парнем, а потом, как фифа какая-то, дала ему поворот-отворот. Гордая какая!

Время шло, всем парням она отказывала, ни с кем по парку больше не гуляла, подарков никаких не принимала. Де-

вочки по комнате стали меняться, уходить, выходить замуж. Приходили на их место другие и те быстро выходили замуж и съезжали. Только Марфа все была в этой комнате неизменна. Сидела часто после смены за столом, за учебниками, мечтала поступать на инженера. Девочки посмеивались над ней, не воспринимали её всерьез и завидовали успехам на работе.

– А слышали, опять про Лебедеву в газете заводской написали, – сплетничали они, не скрываясь от взора Марфы.

– Конечно. Так и замуж выйдет за свой станок или за свои учебники. Кому такая будет нужна?

– Гордая стала. Никто, видишь ли, ей не чета...

– Ничего, жизнь-то зубки ей пообломает...

Марфа старалась не слушать сплетни, но обида и грусть давно закралась в её сердце. Иногда она приходила за утешением к Ольге Георгиевне, но ничего ей толком поведать ни разу так и не смогла, только сидела, спрашивала от том о сем, грустно вздыхала.

Однажды она согласилась пойти на свидание с Семеном Самойловым. Работал он там же, на заводе, на вид был неказист, веснушчатый и худощав. Семен ей, конечно, не нравился, но она так устала от сплетен, что в итоге, что-то в ней надломилось, сломалось. И вот теперь она ждала его у ступенек клуба, где и договорились встретиться. Было это в 1940 году в апреле.

Сапоги все уже промокли, ветер давно проник под пальто, и Марфа дрожала всем телом, а Семена все не было. Вот пять

вечера, вот половина шестого, вот уже стрелка на шести, а его все нет и нет. Счастливые пары давно уже прошли в клуб на вечерний сеанс фильма про любовь, а за углом, скрываясь в тени фонаря, шептались любовники, что опоздали. Как же ей стало противно и стыдно за себя! Вот же дура, она для него у девчонок по комнате платье вымолила и шарфик, а этот даже не соизволил придти! Что он вообще себе вообразил! Посмеяться решил над ней!

И вот она решила только уходить, как в неё резко кто-то врезался.

– Простите, девушка, простите. Я вас просто не заметил... – быстро стал оправдываться парень, а сам вдруг засмотрелся на Марфу и замолчал.

– А если бы я упала?! Как вам не стыдно, так нестись! Не заметил он! Я что, по-вашему, невидима? – рассердилась она, – Как можно не заметить человека? Как же...

Марфа вдруг замолчала, потом резко развернулась и пошла прочь. В ней бурлила такая злость и обида. Её даже не замечают! Её пренебрегают! Одна лишь зависть кругом! А за что? Да, она хорошо работает! Да, она хорошо училась! Неужели надо быть как все? Как же это все несправедливо!

Из мрачных мыслей её вывел голос парня позади, что врезался в неё несколько секунд назад.

– Девушка! Девушка! В качестве извинения я могу вас пригласить в кино? У меня как раз два билетика!

Марфа встала на месте, резко повернулась к нему и ска-

зала:

– Сводите ту, которую приглашали и к которой так бежали.

– Так не пришла она... как, видимо, и у вас... Так, может, мы вдвоем и сходим? Чего билетам зря пропадать?! Говорят, сегодня кино про любовь...

Было это восемнадцатое апреля когда Марфа и Леонид встретились впервые у того клуба. Все после этой встречи изменилось разом, завертелось. Полюбились ей его светлые волосы, светлые глаза и нос чуть с горбинкой. Голос его спокойный могла слушать и слушать. Они часто гуляли, ходили в кино, и на лице Марфы появилась такая блаженная улыбка, которой не было до этого дня.

Лёня часто встречал её на проходной после смены, помогал нести сумки с базара, переносил на руках через лужи, дарил цветы. Гуляли они до самого вечера, и как только видел, что Марфа озябла, снимал свой пиджак и накидывал на её плечи. Иногда, они сидели подолгу в сквере у завода, сидели и просто молчали. Сидели так, взявшись за руку и мечтательно, смотрели вдаль. А бывало, заспорят, руками размахивают, пока Лёня наконец-то не улыбнется и не уступит ей. Казалось, больше ничего им и не надо, все было и так хорошо.

А вскоре Леониду дали отдельную комнату и все чаще Марфа стала бывать у него, ночевать. Нравилось ей лежать на его плече и чувствовать, как его пальцы перебирают её

каштановые волосы, как тихо шепчет ей в ухо признания в любви. Нравилось просыпаться и слышать его спокойное дыхание, а прижавшись к его груди, слушать биение сердца и снова засыпать. Вокруг все вскоре заговорили об их скорой свадьбе, вот только молодые решили не спешить. И так ведь хорошо! Зачем такие формальности?

В 1941 году в январе Марфе пришло неожиданное письмо, короткое и страшное, в котором говорилось, что в Ягодном умер её отец. К этому году уже как год ходили до поселка автобусы три раза в неделю, поэтому Марфа отпросившись с работы, побежала быстро на станцию.

Похоронили Никифора Николаевича быстро, мужики с работы помогли вырыть могилу на кладбище, всю ночь долбили обледеневшую землю, много пили, что утром уже двоих пришлось отправить в больницу. Больше всех на похоронах ревела Марфа и Варвара Федоровна, которая кидалась к гробу, целовала мужу лоб и синие губы. Бабы с мужиками все отнимали её от покойника, старались как-нибудь её успокоить, пытались отпоить её водкой. Костя и Зина стояли, молча, без слез. То ли еще не поняли, то ли уже отплакали свое ...

Марфа навсегда запомнила тот день, и как бросила ком земли на гроб, как мужики закапывают могилу. Отец их никогда не любил, но почему же ей было так больно? Почему слезы текли по её щекам и на душе так муторно, так тяжело?

И вот сидели все уже за столом на поминках в избе Лебе-

девух, а старухи, знай, свое, обсуждать Зинку и Марфу.

– Отмучался Никифор, а девки у него не замужние остались. Не дело это...

– И, правда, так и до беды не долго...

– А вдруг в подоле принесут? Позор и срам какой будет!

– Ты, Марфа, не верти носом, за любого иди, не девчонка уже, да еще и грамотная на свою беду...

– К Игнату присмотришь, Марфа. Охотник завидный, да на складе работает. Ну, глаза косые, да и что? В глаза ему смотреть что ли?

– Ты, Зинка, иди за Свиридова. Мужик, что надо. И должность есть и на тебя давно смотрит...

Марфа не выдержала больше, молча, встала и вышла из избы, накинув быстро на себя пальто.

У людей горе, а эти!!! Тьфу! Чтоб им пусто было! Не язык, а помело! С возрастом мудрость к этим не пришла, одна лишь глупость.

Через два дня Марфа уехала обратно в Заводское, а через неделю к ней в общежитие явилась Зина.

– Я не могу там жить, Марфа! Мама все делает только ради Кости, а ему на всех наплевать. Он не учиться, уроки пропускает, по дому не помогает. А я? Почему вместо свиданий я должна готовить ужин и обед, а потом бежать мыть полы в школе? Я тоже хочу жить! Я хочу, как ты!

Зина сидела за столом в комнате Марфы и, вытирая слезы со щеки, жаловалась на жизнь дома.

– Зиночка, ну как же мама одна справиться с хозяйством и Костей?

– А что я? Почему я? Пусть и другие помогают! Анка и Марька пусть помогают! Хорошо устроились! Замуж вышли и забудь, как их звали! Нет, так не пойдет! Она и их мать и брат тоже их родной. На похоронах видела, как себя они вели? Ишь, королевы! Постояли и ушли, даже со стола прибрать не остались... Как будто и не их отец умер. Нет, Марфа, ты как хочешь, а я обратно не вернусь. Хватит. Накомандовались мной за всю жизнь. Сама себе буду теперь хозяйкой.

– Эх, Зина-Зина...

Так и осталась Зина в Заводском. Устроилась на завод, поселили в общежитие, а уже в мае поспешно вышла замуж и переехала к мужу в город, что находился за сорок километров от поселка. Поселилась в его комнате и уже ждала прибавления в семействе.

Быстро все случилось у сестры, а у Марфы все было по-старому. Не спешили они с Лёней. Все так же гуляли, проводили свободное время вместе, обсуждали все на свете и, бывало, не спали до самого утра, споря о какой-нибудь ерунде.

Время шло, приближалось грозное время...

Глава 2

Когда началась война, Марфа сначала не поверила. Она не могла принять этот факт и все ждала, что вот-вот объявят о том, что война закончилась. Но время шло, новости становились все тревожней, по улицам все чаще проезжали военные грузовики и люди в военной форме. Мужчины каждый день уходили на фронт, а вместо них приходили на их рабочие места молодые девчонки и мальчишки. Смены становились длиннее, работать теперь было труднее, чем раньше.

А вскоре на фронт забрали и Лёню. Марфа как сейчас помнит тот день, ту солдатскую теплушку, что я стояла на платформе, морозящий мелкий холодный дождь. Она стояла в этой давке, под гул паровоза, никого, не замечая, для неё в тот момент существовал только её Лёня. Шептала ему ласковые слова сквозь слезы, прижималась всем телом к его груди, махала потом долго уходящему поезду. Что-то внутри Марфы резко оборвалось тогда и охолодело. Ей вдруг стало тошно жить, работа перестала приносить ту радость, что раньше. Приходя с завода, она все чаще сразу ложилась в кровать и спала, пока не будил её будильник на смену.

Вскоре пришло первое письмо от Лёни. Оно было короткое, но от него веяло чем-то родным, теплым и придавало какую-то надежду. Марфа аккуратно положила его в коробку из-под конфет и каждый раз, как приходила со смены, до-

ставала и перечитывала его с блаженной улыбкой, как будто уносило оно её в какую-то неведомую даль.

В октябре все в поселке стали говорить об эвакуации, что немцы вот-вот пройдут по ним и не оставят никого в живых. Стали готовить завод, разбирать по винтикам, по болтикам, отправлять на эшелон, да все затянулось до ноября, а там рядом с поселком уже взрывы, стрельба. Успела тогда Марфа только вещи собрать, а пока бежала на вокзал, что-то торкнуло в сердце её, встала она на месте и сдвинуться не может. Уже когда состав дернулся и вошел в движение, Марфа развернулась и пошла на автостанцию, где стоял всего один груженный людьми грузовик. Залезла в него, как-то боком устроилась, закрыла глаза и так до самой Степановки.

Увидя знакомый поворот, она закричала водителю, чтобы тот остановился, и спрыгнула на знакомую дорогу. Уж десять километров она пройдет! А грузовик тем временем повернул дальше в сторону города и вскоре скрылся за поворотом.

Ледяной ветер бил по лицу Марфу, пальцы на руках все заоченели и тело все дрожало. Глаза от холода слезились, и приходилось щуриться и часто вытирать их рукавом. Давно уже стемнело, а со свинцового неба пошел мокрый снег с дождем. Марфа шла по дороге, никуда не сворачивая, боясь заблудиться в темноте.

Уже глубокой ночью она из последних сил постучала в знакомое окно отчего дома. Как вошла, как её усадили возле печки и сняли с неё мокрые башмаки, Марфа уже не помни-

ла. Сутки лежала в постели с температурой, бредила и только на второй день смогла встать и пройти за стол. Мать отпаивала её травами, помяла картошку с луком и уговаривала ту поесть.

– Поешь, доченька, поешь. Сил сразу прибавиться...

Костя, как никогда, сидел смирно, тихо, даже испуганно. После смерти отца он изменился, как будто повзрослел. Он смотрел на сестру и громко вздыхал. Тем временем мать хлопотала рядом.

– Доченька, почему же ты не уехала со всеми? – все спрашивала она Марфу.

– Не смогла... опоздала...

– А немцы уже близко? Они всех нас убьют? – спросил вдруг Костя.

– Не убьют. Не позволят, – отвечала Марфа.

Но немцы уже заняли Заводской и приближались к Ягодному. Каждый день слышались взрывы, стрельба, пролетали над головами самолеты. Марфа не могла теперь спать по ночам. Как только на дворе темнело, она подолгу стояла на крыльце и слушала, слушала. Ей было страшно, она не понимала что делать. Старшие сестры с семьей, пока была возможность, уехали из поселка, как и многие другие. Не было больше кроме Марфы, матери и Кости тут никого из родных.

На четвертый день в Ягодном стало очень много солдат, стрельба и взрывы были совсем рядом. Кто-то влетел к ним в избу и истошно закричал, чтобы выходили и садились в

грузовик.

– Тут вот-вот будут немцы! Бегите в грузовик, он уже уходит!

Они даже вещи толком собрать не успели, накинули на себя все теплое, взяли документы и бросились на улицу. Грузовик был полон стариками и женщинами с детьми. Куда их повезли, было не понятно, да и какая была разница, когда рядом началась бомбежка и жизнь висит на волоске?

Марфа и Костя прижались к матери, а Варвара Федоровна тем временем шептала молитву и плакала. Сколько они были в пути? Никто точно не знал. Добрались уже вечером, до какой-то станции, всех высадили там и велели ждать. Чего ждать никто не сказал. Поезда не приходили сюда и не уходили, а на рельсах стоял уже груженный эшелон.

– Будь проклята эта война! – не выдержал кто-то в толпе.

До самого утра они сидели внутри маленького здания станции, ютясь у небольшой печурки и бака с кипятком. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то успокаивал себя и других. Ближе к рассвету за окном Марфа заметила движение, а потом и услышала, как состав движется мимо станции, потом пошел второй. Кто-то вбежал с дикого ноябрьского холода в здание и скомандовал, чтобы все присутствующие выходили на перрон.

В это утро их всех погрузили в вагоны, и состав тронулся в неизвестность, подальше от взрывов и бомб. Ни еды, ни воды почти, ни у кого не было. Было страшно подумать, что

с ними будет дальше.

– Боже, что же с нами будет...– причитала Варвара Федоровна, глядя по волосам сына.

Но в ответ лишь слышался стук колес и тихий плач таких же несчастных людей.

Глава 3

Наступил февраль 1942 года, а они все еще жили в чужом городе в подвале старого трехэтажного дома. Марфа устроилась работать на фабрику, Костя был зачислен в школу, а Варвара Федоровна по здоровью стала плоха и все чаще лежала в постели, редко выходя на улицу. Жилось туго, голодно и бедно. Знакомых в городе почти не было, помочь было некому. Часто по ночам не возможно было заснуть, когда от голода сосало под ложечкой, слабели коленки, а по утрам тошнило, и кружилась голова. Стоя у станка, Марфа часто замирала на мгновение, задумавшись о еде, и лишь крик бригадира приводило её в чувство. Иногда на улице, видя женщин возвращавшись из хлебного, у Марфа сводило кишки, и наполнялся рот вязкой слюной. Хлебные карточки? Да разве того пайка было достаточно, чтобы утолить постоянный голод? Спасало лишь то, что у Марфы был молодой и сильный организм, который сносил все беды обрушившиеся на неё. К тому же жила она мыслями о Лёне и отправила почти десять писем, с тех пор как оказалась тут, но тот так ни на одно и не ответил. Что же с ним? Может ранен? Заболел? Живой ли? Нет-нет, прочь дурные мысли! Он просто занят и не может пока ответить! Война же, а не прогулка! Или письмо просто затерялось! Так бывает!

День за днем Марфа ждала письма и писала ему очеред-

ное, на которое он не отвечал. Тем и жила ту зиму.

В марте сообщили, что и Заводское и Ягодное было освобождено от фашистов, вот только возвращаться туда не советовали.

– Нет там ничего, Марфа, нет. Ни домов, ни завода...

– Что же делать? Остаться жить тут? В чужом городе? – недоумевала Марфа, – Там наш дом, а тут все чужое...

– Тогда уж весны дожись, когда потеплеет...

Не хотелось оставаться в чужом неприветливом городе ни одного лишнего дня, но поездку пришлось отложить до лета из-за болезни матери. Жарким июлем Марфа с матерью и Костей стояли уже у порога своего дома. Одна сторона его еще больше угрожающе наклонилась в сторону оврага, а на крыше аист успел свить свое гнездо. В поселке только их улица и уцелела и больше ничего. Ни завода, ни школы, ни клуба: ничего больше не существовало, все сгорело дотла. В груди от этого печального зрелища все сжалось, дышать стало тяжело. Но стоило войти в избу и становилось совсем горько. На пыльном столе лежали объедки, окурки, на лавке и на печке лежал перевернутый ворох старых вещей, окна были в грязных разводах, а на полу грязь и следы от сапог. Пахло нежилым помещением, мрачно было в избе.

– Да, как же жить теперь... – смахнув слезу, произнесла Марфа.

– Как жили, так и будем жить, – успокаивала мать, – Дома и стены лечат.

Достали ведро, тряпку, сходили до колодца и набрали воды. Втроем они прибирались в избе, придавая ей прежний жилой вид. Потом перебрали вещи в сундуке, что-то простирали, повесили новые занавески на окна, за место старых, порванных, Костя починил сломанный табурет, и доски на крыльце поменял. Все лето пытались что-то успеть собрать в лесу, запасались грибами, ягодами, ходили по заброшенным садам и рыли там прошлогоднюю картошку.

Осенью Костю отправили в село Сухой Овраг, где располагалась школа-интернат, а сама Марфа записалась в стройбригаду в поселке Заводской. Теперь заново восстанавливали цеха, дома, школы.

Уехала через скандал. Мать отпускать Марфу не желала, все пыталась заставить остаться её, помочь ей в Ягодном с житьем-бытьем. Но не остановила Варвара Федоровна упрямую дочь.

Марфа уехала в Заводской и теперь жила в бараке, где в комнате вместе с ней жили десять-двенадцать девчат. Да разве для молодых это беда? Главное что крыша над головой! Мозоли, усталость, холод и вечный голод был спутником этих дней, но надежда давала какие-то силы. Таскали кирпичи, раствор, разбирали завалы, и это все в любое время года не смотря ни на что. Иногда ночью, когда все тело нестерпимо болело, девушки плакали, но утром, борясь со сном, вставали со всеми, умывались в холодной умывальне, надевали свои рабочие фуфайки и опять мужественно шли

на работу.

Каждый день в свободную минутку Марфа писала письма Лёне, а он все так же не отвечал. И дни пролетали, месяцы, а было все по-прежнему.

В декабре за день до нового года к девушке вдруг пришел почтальон. Он быстро всунул ей конверт в руки и убежал дальше. Марфа дрожащими пальцами раскрыла его и развернула письмо.

"Дорогая моя, Марфачка...": у девушки от радости аж в глазах потемнело. Господи, это же Лёня ей пишет! Она села на стул и стала читать дальше. А прочитав, перечитывала еще раз десять, потом прижала письмо к груди и закрыла глаза. Господи, он жив! Он жив! Это лучший подарок в её жизни! Теперь есть смысл все это пережить и дожидаться Лёню. Бедненький, ведь все это время он и написать не мог, то госпиталь, то переброска, то снова госпиталь. Бедный её Лёничка! Как же ей хочется к нему!

После нового года три девочки из комнаты ушли на фронт и Марфа тоже задумалась. Может она там встретит его? Конечно, это маловероятно, но все же... Но как же её мать и брат? Как они без неё? Она их тоже не может бросить. Анна и Мария с семьями живут теперь в городе, как эвакуированные и возвращаться не спешат. Зина с ребенком теперь где-то на Урале. Кто приедет к матери навестить, кто приедет к Косте?

Так и наступил 1943 год. Весной, когда Марфа приехала

навестить мать и привезти ей немного пайка, на пороге отчего дома повстречался старичок с маленькой рыжей собачкой. Он вежливо поздоровался и медленно заковылял в сторону бывшего завода.

– Мама, кто это? – спросила Марфа мать.

– Его дом в Свиридовке фашисты сожгли, теперь скитается. Вот сухарей немного дала. Жаль старика, – вытирая руки об фартук, ответила та, – Много теперь их ходит. Эх, война-война, что ты наделала...

Весь день Марфа с матерью вскапывали огород, готовили его к посеву, красили яблони побелкой. Вечером уставшие сели пить чай. Пили, сначала молча, потом Варвара Федоровна не выдержала и начала свою старую песню:

– Не дело это в твои годы ходить не замужем, дочка. Люди тебя серьезно воспринимать не будут. Не уродина вроде, чтобы одна жить.

– Мама, опять ты за свое. Не время сейчас об том думать.

– Время, время... Видела, на соседней улице дом начали строить? Это Матвей Тарасов вернулся с фронта. Без глаза одного, с осколком в брюшине, но живой и дом снова отстраивает. Мать его не нарадуется никак. Ты сходи к нему завтра, поговори. Чем шут не шутит, может сладиться...

– Мама! Я люблю другого!

– Любит она! Не старуха, чтоб ждать! Бери, что дают и живи как все!

– Мама, нельзя же так!

– Можно! Каждый день похоронки. Чего ждать то? Не замужняя ты, не тебе и ждать!

– Мама! – и тут же девушка вылетела из избы, вытирая слезы.

Долго Марфа стояла на крыльце под звездами, долго тихо плакала. И зачем ей кто-то, кроме Лёни? Неужели родная мать её не понимает? Ведь сама молодой, когда то была!

Но Варвара Федоровна и правда не понимала этих причуд. В её мире все было просто. Вот жила она с мужем, терпела его, обихаживала, а любовь уж – на десятом месте. За то никто дурного слова про неё никто никогда не сказал, всегда только с уважением к ней...

В эту ночь Марфе так и не шел сон, а как на небе начали гаснуть звезды, она и вовсе вышла на улицу, села на скамейку и долго так сидела думая обо всем на свете.

С этого дня она все чаще не спала по ночам и все меньше стала разговаривать с окружающими. Все молча и молча. А летом Лёня вдруг снова перестал ей писать.

Все мысли были только о нем. Даже есть не могла, все думала, как он, поел ли, а, может, прикован сейчас к больничной койке и не может написать ей или стесняется...

Осенью к ней в общежитие приехала мать с двумя корзинами. Достала картошку, лук, капусту, лепешек пшеничных, мешочек сушеных лесных ягод и грибов. Выложила все это на стол и, уставшая, села на стул:

– Разбирайте, девки. Гостинцы это вам с Ягодного. Ох,

умаялась,— она вытерла концом платка лицо от пота и продолжила,— Слышь, Марфа, а ведь вчерась у нас свадьба гремела. Отгуляли, так отгуляли. Упустила ты жениха-то! Женился Матвей на Катерине Семеновой, у той, что двое деток. Мужа то её еще в сорок первом убили. Вот так, не побрезговал, женился... Скоро еще деток нарожают...

— Совет им да любовь, мама,— ответила сухо Марфа.

— Им-то любовь, а тебе... Эх, дочка... Упускаешь ты жизнь свою...

Девчонки в комнате тихо засмеялись, а одна из них и вовсе не смогла промолчать:

— Вот-вот, тетя Варь, и мы её все сватаем, да сватаем, а она все загадочного Лёню ждет. Прямо, монашка какая-то.

— Уж и бригадира ей нашего сватали и Кольку-водителя, а она, словно царица, перебирает еще,— поддержала весело другая.

Марфа грозно сверкнула на них глазами:

— Не мели, чего не знаешь!

Варвара Федоровна медленно встала со стула и произнесла:

— Войне конца и края нет, чего ждать то? Хватать любого надо и под венец. Правильно тебе подружки говорят...

— Не подружки мы! И никто мне не нужен! Что вы мою душу терзайте?! Разве я лезу к вам с советом? Бесстыжие!

— А ты не ругайся, когда правду говорят...

— Ух, не видеть бы вас всех...

Не смогла больше Марфа жить в одной комнате с этими девушками, переехала скоро на квартиру к одной старухе. Жила та в доме разделенным на два хозяина, её половина состояла всего из одной комнаты, а Марфе выделила кровать, что стояла за печкой и закрывалась занавеской. Марфа помогала старушке по дому, полы мыла, готовила на двоих обеды и ужины. Старушку звали Параскева Силуановна, лет ей было давно за шестьдесят, а сколько точно, та и не помнила. В отличие от остальных, она не теребила её душу, не навязывала женихов, не учила жизни. Как только видела, что Марфа не спит, приглашала её за стол попить чаю и сидели так, обсуждая все на свете. Спокойно было девушке в этом доме.

– А ведь до поселка тут деревня стояла, – однажды начала свой рассказ Антонина Силуановна, – Прохоровкой звали. Я в ней и родилась. Домов двадцать было. Церквушка у нас тут стояла, мельница за рекой была. А потом уж пришла сюда совестка власть и решила тут завод строить. И ведь построила, да и не один. Вот чего. Уж из старых жителей только я да еще две старушки остались. И замуж тут я выходила и детей тута рожала. Мужа моего еще давно убило, тоже на войне. Детей троих схоронила, а сынка младший в Москву убег с невестой и больше не вертался. Вот чего. Против я была его невесты-то, вот и сбегли. У всех своя судьба.

Больше о себе она не рассказывала и Марфу никогда не пыталась этим. Жили так в мире и в согласии вплоть до 1944

года февраля, а там старушка ночью тихо померла, и Марфе пришлось снова искать новую квартиру.

Через знакомую нашла она одинокую женщину, которая сдавала койко-место. Жила у той до самой весны, да характером не сошлись. Оказалась женщина гулящая, веселая. Что ни день, то приبلудный мужчина навеселе и вино на столе. Ругалась Марфа с ней, но все бесполезно. Так и съехала обратно в общежитие, только в этот раз соседки были другие.

Летом цеха были достроены и снова запустили завод. Марфа перешла туда на свою прежнюю должность, и радости не было её предела. Придя в первый рабочий день, она чуть не расцеловала станок и начальника смены. Летала первый месяц на работе, оставалась на вторую смену.

Жила теперь работой, в общежитие бегала постираться, помыться, поспать и снова на смену. Хорошо или плохо, надо было спешить на завод. В свободное время писала письма во все инстанции о Леониде. Верила, что жив он.

– Ты бы о родственниках его что-нибудь узнала, Марфа, – советовали ей другие, – Тем то, точно, если что и похоронка придет или же другое письмо...

– Он жив, а родственников у него нет. Он мне сам рассказывал, как его тетка родная воспитывала, а перед его отъездом она умерла..., – отвечала она им.

– Эх, Марфа. А вдруг он женат? Поэтому и не женился тогда на тебе. Узнала бы ты что ли... а то зря душу только рвешь...

– Уйдите вы, постылые, со своими советами!

– Делай, как знаешь, Марфа, – махали те рукой.

А у самой на душе после этого разговора, как будто кошки заскребли. Дурно вдруг ей стало. А что, если и, правда, Леонид её обманывал? Может, в городе, откуда он приехал, жена у него была? И есть...

Осенью встретила она знакомую, что раньше общалась с другом Лёни. Схватила тогда её за руку прямо на улице, стала умолять узнать, что-нибудь о Лёне.

– Ириночка, – лепетала Марфа, – Узнай ты у своего о родственниках Лёни. Не мог он не знать как он в городе там жил, с кем жил... Ириночка, не пишет он мне, давно. Душа вся измаялась, не могу. А может в городе есть, кто у него, может, туда им и приходят письма? Ирочка, Ириночка, нет больше у меня сил. Повсюду написала, а в ответ тишина. Может безногий он лежит в госпитале, да писать боится. Сама же понимаешь. Может еще что... Мне бы просто правду узнать, хоть какую, пусть и горькую...

Ирина Капустина сильно смутилась этой встречи. Осторожно убрала руку Марфы и сделала испуганно шаг назад:

– Не пишет мне больше Федор, другую там нашел. И писать я ему сама больше не буду. Не умоляй, не буду и все. Сходи к Зое Захаровой, ей муж до сих пор пишет, а он с твоим хорошо общался. Может чего и знает.

– Да где мне её найти, эту Зою?

– В общежитие номер два. Ей комнату отдельную дали.

Ребенок у неё. Комнату не подсказу. Не знаю, не общаюсь.

С этими словами Ирина резко развернулась и пошла прочь по мокрой осенней улице.

В этот же день отправилась Марфа в то самое общежитие. С горем пополам узнала, где найти ту самую Зою. Девушка долго пыталась понять, чего от неё хочет Марфа и как то нехотя согласилась написать своему мужу о Леониде.

– Уж не знаю, не такие уж и друзья они были, так знакомые, – лениво произносила она, – Но не расстраивайтесь вы заранее. Напишу ему, а там будь что будет. Вы мне, дорогая, свой адресочек черкните, как вас потом найти. Вдруг чего и узнается интересного.

Домой в общежитие Марфа шла уже окрыленная, с надеждой в груди. А вдруг все получится? Не может быть, что все было зря!

Глава 4

В ноябре из Урала вернулась Зинка с сыном и сразу приехала жить к матери в Ягодное. Работать устроилась в колхоз, в котором председательствовал теперь Матвей Тарасов. Мужа Зинки убили на войне еще в сорок втором, а она после этого сама как-то осунулась, сгорбилась, почернела и озлилась на жизнь. Каждый день жаловалась матери, каждый день упрекала ту в чем то, успела даже Марфе написать гневное письмо. Все вокруг в её горе были виноваты. А мать лишь вздыхала, терпела и молчала. Ничего, думала Варвара Федоровна, пошумит дочь, пошумит и успокоится. Ей можно...

С Урала тогда вернулась и Ольга Георгиевна и тут же, узнав, что Марфа в поселке, позвала к себе в гости. Жила она теперь у своей давней подруги в её комнате, да той никогда дома и не было, все на работе, да на работе.

После смены Марфа, как и обещала, побежала к старым уцелевшим баракам. Там теперь и жила Ольга Георгиевна. Комната её встретила вкусным запахом ухи и чем-то еще, давно забытым.

– Марфа, Марфочка! – Ольга Георгиевна бросилась обнимать девушку, расцеловала её щеки, – Проходи, проходи, Марфа. Я ухи наварила. Я сама рыбу поймала вчера в речке! Представляешь? Я ловлю рыбу! Я рыбачка! Марфа, я рыбач-

ка!

Она весело её проводила к столу, покрытому белоснежной скатертью. В самом его центре стоял важно чугунок на деревянной подставке, откуда исходил густой пар и умопомрачительный рыбный запах. Рядом стояла сковорода с жареной картошкой и грибами, а с краю прозрачный графин с мутной жидкостью.

– Марфа, присаживайся, бери вилку-ложку, наливай в тарелку ухи. Да-да, у нас тут печь, варю в чугунке! Как в детстве! Наливай самогонки в рюмку, не стесняйся. Самогон прямо с Урала привезла. У меня сосед этим занимался, на дорожку дал. Хороший был сосед! Эх, из поселка в город меня там швыряло, а потом из города в поселок. Много людей я там повидала. Разных, Марфа.

Ольга Георгиевна заметалась по комнате, вокруг стола. Она разливала самогонку по рюмкам, наливала ухи в тарелки, убрала салфетку с миски, где тонкими кусками лежали ломтики ржаного хлеба. Она сильно волновалась и много говорила:

– Ах, такое кощунство! Самогонку и в рюмки! Ахах! Ну что же, не менять же рюмки на стаканы?! Правда же?

– Все и так пойдет, Ольга Георгиевна..., – пыталась успокоить её Марфа.

– Хлеба мало, извини, не было больше. Ах, как хочется, чтобы скорее стало, как до войны! И хлеб, и сахар, и масло, и керосин и вообще... мира и спокойствия... Как много горя

вокруг, Марфа. Как же его много...,— она вдруг села на стул и упустила голову,— Эта война унесла моих последних родных... Ни племянника, ни сестры, ни тетки... Все погибли. Я осталась совершенно одна. Вот так, Марфа. Совершенно одна.

Марфа наклонилась к ней и взяла в свою руку её холодную сухую ладонь:

— Вы не одна, я у вас еще есть.

— Ах, Марфа, дорогая...,— она вытерла другой рукой скучную слезу со щеки и отвернулась к окну,— Прости меня, за мою слабость. Это все проклятая болезнь. Я стала так много плакать...

— Просто вы человек, а не скала, которой не больно...

— Это правда, но лучше бы я была скалой...

Через минуту Ольга Георгиевна глубоко вздохнула, повернулась к Марфе и улыбнулась:

— Ну, вот. Пригласила гостя, а сама сижу и рыдаю. Негоже! Давай выпьем за встречу! Поднимай рюмку! Сейчас скажу тост!

Марфа послушно встала, подняла полную самогонки рюмку и застыла. Ольга Георгиевна набрала в легкие воздуха и начала:

— Выпьем за скорую победу! Я всем сердцем верю, она будет за нами! За победу! За мир!

Она громко чокнулась с Марфой и, выпив все до конца, с грохотом поставила рюмку на стол. Марфа от неожиданно-

сти вздрогнула, но тут же сделала маленький глоток и, хотела было, уже поставить рюмку на стол, как услышала громкий протест Ольги Георгиевны:

– Ни в коем случае! До дна! Только до дна!

Марфа послушно выпила все содержимое рюмки и тогда поставила её на стол.

– Ну, садись, Марфа. Испробуй ухи. Это меня соседка в эвакуации научила. Хорошие порою люди там попадались...

Марфа, молча, взяла кусочек хлеба и стала хлебать уху. Та и правда получилась вкусной, и еще горячеей немного обжигало нёбо. Ольга Георгиевна подвинула ей тарелочку для рыбы. Сама она плохо ела, все смотрела на Марфу, ласково по-матерински улыбалась.

– Ты картошечку попробуй, Марфа. С грибочками. Ешь, ешь, тебе надо.

– Ольга Георгиевна, а, вы, почему не едите?

– Сыта я. Вот ты пришла и мне уже хорошо от этого. А тебе надо питаться хорошо, чтобы работалось лучше.

– Да я вроде питаюсь...

– Вижу я, как питаешься. Худая, как щепка. Иссохла вся. По себе помню, голодной и работать не хотелось, – и тут же вздохнув, продолжила, – Эх, Марфа, пройдет война, куплю себе конфет и съем без чая. Рыдать буду, а съем. Почему? Да так, чтоб сладким горе заесть. Да ты меня не слушай. Болезнь это все голову мутит. Расскажи лучше про себя. Как жила все это время? Как мама, как брат, как сестры?

Марфа неловка откашлялась:

– Все живы, только мужья не у всех... – она снова откашлялась, – Война проклятая...

– Да, натворили фашисты делов... – она снова начала разливать самогонку в рюмки, – Столько горя вокруг, столько горя. А Лёня? Как он? Пишет тебе?

Марфа грустно вздохнула:

– Не знаю, не пишет.

– Как это? – удивилась Ольга Георгиевна.

– А так, просто. Не пишет и все. Писал и перестал.

– А ты не расстраивайся раньше времени, Марфа. И так бывает. У меня в эвакуации соседка одна была с двумя маленькими детьми. Муж ей с декабря сорок первого ничего не писал, уже мысленно похоронила она его. А тут перед самым моим отъездом ей вдруг письмо пришло "Живой, скучаю, жди меня скоро". Вот так.

– Хорошо бы...

– И у тебя так будет! Верь! – она снова встала и подняла рюмку, – Давай выпьем за надежду! За то, чтобы наши воины вернулись с победой к своим семьям! За надежду!

Она выпила до дна и снова громко поставила пустую рюмку на стол:

– Вот так! – заключила она.

После второй рюмки язык Марфы все больше развязывался и она, не переставая, рассказывала про свое житье-бытье Ольге Георгиевне. Та понимающе кивала головой, порою

успокаивала её и снова разливала самогон в рюмки.

Просидели так аж до самого утра, наговорившись обо всем на свете, оплакав все беды. А утром Марфе в первую смену. Так и пошла на работу с больной хмельной головой. Кое-как отработав, побежала сразу во второе общежитие к Зое Захаровой. Застала её прямо у дверей и накинулась сразу с расспросами. Зоя поморщила свой маленький носик, прижалась спиной к двери, как будто боялась Марфу, и сердито ответила:

– Написал мне, что не знает ничего про его родственников. Вот и все.

– Как это не знает? Как? Не верю!

– А ты сама почему ничего не знаешь? Ну? Чего замолчала? Гуляла ночами, а про матку с батькой так и ни разу не поспросала! Нужны вот моему больно чужие родственники! Мой на фронте фашиста бьет! Три раза в госпитале уже был! А ты тут со своими расспросами! Вот привязалась! Твой вроде жених был! Кроме тебя, кто еще знать то должен? Уйди ты от двери, мне за ребенком сходить надо! У людей дела-заботы, а тут ходят всякие...

Марфе вдруг стало дурно, её затошнило. Она отвернулась от девушки и, молча, произнесла:

– И на том спасибо...

Домой шла, не замечая вокруг людей и не поднимая ни на кого глаз. Мороз как раз в этот день затянул тонкой коркой льда желтые листья под ногами, хрустели они глухо под по-

дошвой. Руки быстро озябли, замерз нос и щеки, но Марфе было все равно. Она дошла до общежития, вошла в комнату и, сняв пальто, бросила его на спинку стула и упала лицом в подушку. Громкий плач разнесся по комнате, прорезав болью и отчаянием все вокруг.

Кто-то из девочек, что были в комнате, подняли на неё разом глаза, а одна встала с кровати и подошла к Марфе, положив свою теплую ладонь той на плечо:

– Марфа, что с тобой? Что случилось? Девонька, да не рви ты себе душу. Марфочка... Марфочка, голубушка...

Не было у Марфы сил что-то рассказывать, объяснять. Успокоилась скоро, поблагодарила девушку за внимание и легла спать. А утром снова пошла на смену, снова работала и старалась не думать ни о чем.

Так скоро наступил декабрь, и накрыло белым покрывалом землю. Искрился снег на солнце, и ночи стали светлее. Где-то в середине месяца пошла Марфа на базар. Прихватила с собой ту самую корзинку, что когда то ей подарил старичок по дороге в поселок, подвязала теплый материн платок, варежки теплые одела и пошла в сторону шумного базара. Ходила она вдоль аппетитных рядов с баранками, рыбой, белых горок яиц, смотрела на цветастые платки и шали, что висели то тут, то там. Все искала, что бы ей купить, у кого что обменять. Не хватало в эти времена ничего: ни еды, ни дров, ни одежды. Все было дорого и обменять уже почти нечего, если только с себя чего снять.

Она так залюбовалась на разномастные товары, что ни сразу услышала, как её кто-то кличет в толпе:

– Марфа! Лебедева! Обернись!

Голос девушке показался знакомым и она обернулась. Прямо на неё смотрел все такой же худой Семен Самойлов с перехваченным левым рукавом шинели. На его веснушчатом лице заиграла мимолетная улыбка, он замахал Марфе правом рукой:

– Лебедева! Пстой!

Марфа встала на месте, ожидая, когда парень сам подойдет к ней. Семен быстрым шагом направился к девушке, а как оказался рядом, заговорил:

– Здравствуй, Марфа. Вот так свиделись, вот так встреча!

– Здравствуй, Семен. Вернулся с фронта?

– Вернулся,— с грустью ответил он и мотнул головой на левый рукав,— Вот, оттяпали. Повезло, что не правую. Тоже хотели, но отделался одним мизинцем на ней. А ты как? Работаете?

– Работаю,— сухо ответила Марфа, а сама все смотрит на его левый рукав и в животе что-то сжимается,— Работаю. И ты к нам иди.

– Куда же я безрукий то теперь?

– Правая, рабочая, на месте, а более и не надо. Ты не дури, завтра сразу же в отдел кадров иди. Тебе все там рады будут.

– Рады...,— он вздохнул,— От меня теперь проку то... Эх... А я ведь тогда плохо с тобой поступил. Все хотел прощения

попросить и не смог. Вот ведь судьба сегодня нас свела. Ты прости меня за тот поступок, хоть и поздно уже, но все равно...

– Не надо, Семен. Прошло все. Да и не злюсь я на тебя. Тебе где жить то есть?

– В общежитие койку определили для меня. Крыша над головой имеется.

– Вот и ладное дело. А ты завтра приходи на завод. Нам, ой, как, нужны такие, как ты.

– Работник я теперь наполовину...

– А ты нос не вешай раньше времени! Ты до войны на доске почета висел не за красивые глаза! Рекорды бить тебе не надо, главное, чтобы работал усердно.

– Уж верно, не за глаза...

– Я про тебя начальнице скажу. У нас теперь Раиса Леонидовна начальницей ходит. Вот так. Сплошное бабье царство. А ты вот придешь и разбавишь наш бабий уголок.

– Эх, уговорщица ты хорошая, Марфа. Даже дух мой подняла. Я-то думал уже напиться и забыться от этого страшного сна, а тут ты. Судьба, не иначе! – он неожиданно обнял Марфу одной рукой, – Вот спасибо тебе, Марфа! Вот так встреча! Завтра же приду к вам! Приду обязательно!

На следующий день он и, правда, пришел на завод и его приняли обратно. Одной рукой он быстро приловчился работать за станком и даже сам удивился, что может так. Рекорды ему, конечно, теперь не бить, но работать он хотел и

мог. Марфе было приятно, что человек не сломался, живет дальше и радуется простым вещам.

После смены Семен все чаще стал провожать её до общежития, рассказывал фронтовые байки, много шутил и смеялся. Марфе было как то неловко и одновременно приятно это внимание с его стороны. Женщины смотрели теперь на неё косо, завидовали, на перерывах все подбегали к Семену, уговаривали его, то чай попить, то домой к ним сходить что-нибудь починить. Семен краснел и отказывался. До войны то его мало кто замечал, а тут чуть не дерутся за его внимание.

На тридцать первое декабря после смены Марфа заспешила в общежитие. Там сегодня намечался маленький праздник по случаю нового года. Надо было успеть наварить картошки, порезать салат и солений из погреба достать. Сами погреба тогда за общежитием стояли плотным рядочком. Прибежала Марфа, быстро переоделась, надела фартук и на кухню. Шумно там было, дымно и жарко. Галдели девчонки, готовили праздничные простые блюда, резали вареные овощи на салат, кто-то разливал в графины домашнюю наливку, кто то пел песни, все смеялись и были в приподнятом настроении.

Марфа взяла глубокую миску с полки и побежала в погреб за квашеной капустой. Её им привезла её мать, Варвара Федоровна. Там же лежали и моченые яблоки, и соленые грибы. Марфа выругала себя под нос, что не захватила вторую миску. Уже выходя из погреба, она чуть не врезалась кому

то в грудь. Подняла голову и ахнула:

– Семен! Черт, однорукий! Да я чуть всю капусту на снег от страха не выбросила! – и тут же покраснев за свои слова, отвернулась.

Семен улыбнулся и произнес:

– Ну, не надо ругаться, я с подарком.

Марфа снова подняла на него глаза:

– Зачем это еще?

– Как зачем? Праздник же! Смешная ты, Марфа!

Марфа снова покраснела и медленно прошла мимо него, прям вдоль сугроба:

– Ну, идем, кавалер. Знакомить тебя с девочками буду, – не оборачиваясь, произнесла она.

Семен послушно побрел за ней прямо в общежитие. Как только они вошли в коридор, на них сразу набросилась комендантша Меланья Серафимовна:

– Куда это направился, солдатик? А ну разворачивайся! Здесь женское общежитие, а не дом терпимости!

Семен тут же развернулся, ловко достал одной рукой из кармана конфетку и протянул с улыбкой женщине:

– С праздником вас! Уж позвольте часок провести в приятной компании, а там я и сам уйду. Честное слово!

– Каков хитрец, – но из рук Семена Меланья Серафимовна конфету все-таки забрала, – Ходите тут, девок мне портите, а мне потом оправдывайся. Ну, ладно, только час. Не больше! Слышишь, солдатик? Не больше!

– Еще раз с праздником!

Как только вошли в комнату, Семен снова залез в карман и достал оттуда, что-то завернутое в бумагу. Он, молча, протянул это Марфе и скомандовал:

– Разворачивай!

Марфа послушно приняла подарок и тут же стала аккуратно его разворачивать. На свет показалось круглое небольшое зеркальце, которое можно при желании поставить на ножки, а с обратной стороны была изображена какая-то кокетливая девица. Марфа смутилась, но все-таки зеркальце вещь нужная и тут же поблагодарила Семена:

– Ой, спасибо тебе, Семен! Удружил! Теперь девчонки еще больше завидовать будут!

– Брось ты. Это так... с праздником... Вот..., – он и сам смутился, отвел глаза в сторону.

Марфа поставила зеркальце на тумбочку у своей кровати:

– Вот, теперь тут стоять будет..., – произнесла Марфа и тут же повернулась к Семену, – Вот только мне тебе подарить нечего.

Семен поднял на неё глаза:

– Брось ты! Ты уже подарила мне – надежду. Как только встретились, так и подарила.

В комнату неожиданно ворвалась ватага девчонок и как только заметили Семена, столпились у дверей и начали его рассматривать, смеяться:

– Вот, Марфа кавалера привела!

– Ай да Марфа!

– Мужчина то, что надо!

– А как вас зовут?

– Останетесь с нами на праздник?

– Вареники с картошкой любите? У нас и сметана имеется! Вы за стол присаживайтесь, не стесняйтесь!

Самая смелая из девчонок взяла Семена за его единственную руку и, проводив за стол, усадила его и придвинула к нему тарелку и рюмку:

– Меня Соня зовут, а вас?– спросила девушка его.

– Се-семен,– немного заикаясь от неожиданности, ответил мужчина.

– Ой, какое красивое имя! Девочки, ну давайте уже накрывать! Мужчина все-таки голодный должно быть! Накормим его и без песни не отпустим! Петь любите? Я вот очень люблю! Ой, как запою, так не остановите!

Стол быстро накрыли нехитрой закуской, принесли целое блюдо вареников, поставили на стол домашнюю сметану, винегрет, квашеной капусты и картошки варенной. Быстро разлили наливки по рюмкам, чашкам, кому что досталось, и произнесли первый тост:

– За скорую победу!

Зазвенела посуда, защелбеталя женские голоса, замелькали блюда, миски и все старались Семену в тарелку подкладывать то одного, то другого. Мужчина краснел от такого внимания, застеснялся своего положения и неловко благода-

рил каждую. После третьей рюмки только стало ему легче. Он встал тут с места, поднял снова рюмку с наливкой и произнес:

– Хочу произнести тост, дорогие женщины!

Все девушки разом замолчали, уставились на него.

– Хочу произнести тост за одного человека, который подарил мне смысл жизни! Марфа, за тебя! Если бы не ты, висел бы я в петле или чего-нибудь еще с собой сотворил бы! – кто-то ахнул за столом, – Ты мой свет! И я на этот свет лечу! Вот так! – он вдохнул в легкие воздуха и продолжил, – Много я видел там, на войне, много смертей и предательства и несправедливости. Столько страха и боли там видел... Да что уже об этом, не сегодня... Вот увидел тебя и понял, есть светлое еще что-то в этой жизни. За тебя хочу выпить! За Марфу! За мой свет!

– Ой, как красиво сказал... – слышалось в комнате мечтательно.

Зазвенела снова посуда, заголосили веселые девичьи голоса, а Марфа ни жива, ни мертва. Чокнулась со всеми, а сама стоит на месте как в трансе и не сообразит, что ей делать.

– Марфа, чего ты стоишь? Сказать, что ли чего хочешь? – вдруг спросил её кто то.

– Это она от счастья! – сказала другая.

Марфа медленно села на место и опустила голову. Семен сидел рядом и протянул к ней свою ладонь, положил её на холодную руку девушки.

– Вот достану кольцо и сразу к тебе свататься приду. Тогда оробел, а сейчас уж не оробею... – тихо произнес он, немного наклоняясь к Марфе.

Выпили скоро еще по две, отодвинули столы к стене и стали громко петь и танцевать. Стучали девичьи каблучки, пели веселые частушки, да песни, все по очереди приглашали Семена на танец. Он краснел, но отказывать им не смел. Вытанцовывал с ними, подпевал, а потом снова садился на стул возле Марфы и украдкой смотрел на неё.

Через час пришла Меланья Серафимовна, ругалась, что Семен до сих пор не ушел, и выпроводила его из общежития. Спать легли под утро, сон к Марфе плохо шел, да и спала она от силы два часа.

Приснилось ей в эту ночь, что сидит она под дубом, что рос в Ягодном прямо в овраге, недалеко от отчего дома. Сидит она под ним, а вокруг лето, птицы поют, стрекозы летают, пахнет травами и цветами, солнце глаза слепит. Рядом два коня пасутся, один серый, а другой черный, как смоль. Смотрит она на них и дивится, чего это они в овраге пасутся, обычно за поселком на лугах, а не тут. Встала тогда Марфа, прошла мимо коней, а они на неё и внимания не обратили. Идет она и видит перед собой ручей. Удивилась, ведь не было тут ручья. Села на корточках, зачерпнула ладошкой прохладной кристальной воды и отпила маленько, пока краем глаза не заметила, что в ладошке маленькая рыбка плавает. Тут же перестала пить, посмотрела внимательно на рыб-

ку, а она маленькая, золотистая, с большими черными выпученными глазами. Диво, какое то! Пока Марфа любовалась необычной рыбкой, та взяла и выпрыгнула из её ладошки, да прямо в ручей. На том сон и закончился.

Проснулась Марфа, лежала еще минут десять в раздумьях, все пыталась понять к чему сон.

– А ведь, девки, сегодня уже 1945 год...– зевая, кто-то произнес в комнате.

– Да, уже...– согласилась Марфа и стала медленно подниматься с постели.

– А война все не унимается...– подытожила другая.

– Война проклятая...– пронеслось по комнате.

Сегодня у Марфы была вторая смена. Она как обычно собралась, взяла с собой кусок хлеба, мерзлого соленого сала, картошки варенной и пошла на работу. В голове все крутились слова Семена, и ей стало казаться, что на её плечи упал какой-то непомерно тяжелый груз ответственности за него. Даже дышать стало сложнее, ноги стали, будто ватные. " Я ведь люблю другого, а не его. Как же быть? Как жить? "

На смене Марфа старалась не встречаться лишний раз с Семеном, да он сам её всегда находил, сидел рядом с ней на перерывах, наливал ей кипятка, что-то спрашивал. Марфа не знала, как ей быть, она только, молча, кивала, вздыхала и думала, что же будет дальше.

Тут в первых днях января её назначили бригадиром вместо Тоньки Рыжовой, которая убежала в декрет. Долго не ду-

мали, посмотрели, кто учился, кто что умеет, да и начальница тут еще огонь в масло подлила:

– Долго ты в звеньевых ходить будешь, Марфа? Работашь получше многих, а все ответственности боишься! Почто государство на тебя тратилось? Почто училась говорить? Все, приказ сегодня же подписываю! И слушать ничего не хочу! Баста!

Семен в этот же день подошел с улыбкой к Марфе на перерыве и произнес:

– С назначенцем вас, Марфа Никифоровна. Теперь с вами на "вы", или еще на "ты"?

– Брось ты, Семен! – махнула она на него рукой, – Что за шуточки?! Всего лишь бригадир!

– Не всего лишь, а целый бригадир! – весело поправил он и протянул ей свою руку, – Поздравляю!

Он крепко пожал руку девушки и тут же пошел к своему станку. Марфа же осталась стоять на своем месте. С чего начать, она не знала. Все было не привычно. Девчонки из бригады смотрели на неё и раньше косо, а теперь и глаз не поднимали. "Что ж, от судьбы не убежишь." – подумала Марфа про себя и, обведя глазами весь цех, медленно пошла в сторону своего станка.

Глава 5

В конце января после праздника дня памяти Ленина (22 января), в цеху случилась драка между Ксенией Митрюхиной и Марией Быковой. Дрались они из-за Семена. И та и другая окучивали мужчину, приносили ему обеды, караулили его у проходной, чтобы пойти вместе домой, зашивали ему дырки на рабочей форме. А тут слово за слово и Машка вцепилась в волосы Ксюши, да и та тоже не лаптем деланная, так же вцепилась, и теперь кружатся две женщины вдоль станков, нецензурно ругаются, как матросы. Вокруг них уже собралась толпа и вместо того чтобы разнять, улюлюкали и подначивали их. Увидев это безобразие, Марфа побежала разнимать девок, пытаясь словами унять их пыл, да только получила локтем в грудь от кого-то. Отпрянула она от дерущихся, схватилась за грудь:

– Ох, полоумные, убьете, дуры!

Тут прибежал Семен. Одной рукой он расцепил женщин и встал между ними:

– Вы чего представление устроили?! – гаркнул он им – Бригадир своего чуть не зашибли! Курицы!

Тяжело дыша, Маша посмотрел на него и рявкнула:

– А ты не лезь! И бригадирша твоя недоделанная пускай не лезет! Не ей тут командовать! Пускай ждет своего, а к чужим мужикам не лезет! Я и ей могу косы отодрать! Ей, Богу!

Драться за тебя буду, Семен! Не остановишь! Убью любую вот этими руками!

– Дура ты, Быкова, – он плюнул её в сторону и подошел к Марфе, – Зашиблась?

В Марфе горела злость, хотелось накинуться на Быкову, обозвать как-нибудь пообиднее, но она только зыркнула на неё злыми глазами и, отряхнув с рабочего халата какую-то невидимую пыль, развернулась и пошла, куда-то в сторону.

За драку Быкову и Митрохину все равно оштрафовали, а Марфа стала еще больше нелюдимою и все больше избегать Семена.

В первых числах февраля Семен прокараулил её у общежития, схватил её за руку и произнес:

– Так нельзя, Марфа! Давай поговорим!

Марфа побледнела, хотела вырвать свою руку, но мужская хватка оказалась железной:

– Отпусти ты меня, черт рыжий! Совсем озверел!

– А ты сначала выслушай! Чего крутишь? Я кольцо достал! Замуж за меня иди! Слышишь? Замуж тебя зову!

Марфа испуганно уставилась на него:

– Чего ты, Семен! Не могу я за тебя пойти! Жениха жду с фронта...

– Да сколько времени он тебе не пишет? Да разве можно так закапывать себя живой для мертвых? Ведь погиб он наверняка или другую уже нашел! Много я такого там видел!

– Пусти ты меня! Бессовестный! Да как ты можешь так

про Лёню! Да ты... ты его совсем не знаешь!

Но Семен крепко держал её руку и никак не отпускал:

– Для тебя только и живу, Марфа. Не отказывай. Без тебя сгину.

Марфа тут же покраснелась:

– Не люблю я тебя, Семен. Прости...

– За то я тебя люблю! Марфа, что же ты наделать хочешь? Ну? Одумайся! Это же жизнь, а не игрушка!

– Правду тебе сказала...

– Марфа!

– Отпусти ты меня, Семен. Больно руку!

Семен отпустил её и сделал шаг в сторону:

– Я не сдамся, Марфа. Нечего тут крутить, все равно выйдешь за меня. Так и знай.

Марфа, молча, прошла мимо его и, повесив голову, ушла в общежитие. Всю ночь она проплакала в подушку. Ей было жаль себя, жаль Семена. Утром она снова пошла на смену, где у проходной её уже ждала Быкова. Она перегородила Марфе дорогу и сразу начала:

– Отдай мне Семена по-хорошему, бригадирша. Я драться за него буду, землю рыть! Тебе он все равно не нужен! Отдай его мне!

– Что же, он вещь что ли, что бы его отдавать? – возмутилась Марфа.

– Вещь не вещь, а куда бычка поведут, там он и окажется! Мне терять нечего, бригадирша! Хоть от работы отстраняй,

хоть увольняй! Я все равно его у тебя заберу! Ей Богу!

– Эх, Маша – Маша...

– А ты не дразни меня, бригадирша! Говори: отдашь его или нет? Ну, чего молчишь?

Марфа молча махнула на неё рукой, развернулась и ушла на пропускной пункт. В конце смены Быкова снова подошла к ней, загородив путь в раздевалку:

– До греха не доводи, бригадирша! Отдай мне Семена! Ведь все космы повыдираю!

Марфа смотрела на неё, как на умалишенную:

– Да иди ты к такой-то матери! Забирай его! Только Семен не бычок, не пойдет, если не захочет!

Быкова стояла на месте и как будто язык прикусила, а Марфа продолжила:

– Чего молчишь? Беги к Семену-то, а то и другие претендентки скорее его заберут.

– Не дожدهшься...– прошипела Быкова и ушла в раздевалку.

Тошно было Марфе, мерзко и грязно на душе. Что же она наделала? Еще идет война, где то людей, как в мельнице перемалывает, судьбы губит и калечит, а они тут мужиков делят, как игрушки. В груди что-то заныло и сжалось. Стыд поднялся из глубины души. Противно, как противно! А вечером снова пришел Семен и уговаривал её выйти за него замуж. Марфа не выдержала тогда, отвернулась к стене с облупленной краской и заплакала:

– Уходи, Семен, не мучай ты меня...

– Тихо, тихо ты... – пытался успокоить её Семен.

– Натворила я делов, Семен. Противно!

– А ты не думай сейчас ни о чем. Лишнее это. Плачешь?

Марфа вытирала слезы рукавом пиджака:

– Полно девок вокруг, что пойдут за тебя, а я не могу. Я люблю другого.

– Да разве я запрещаю любить? Люби себе на здоровье! Только за меня замуж выходи и все, – он развернул Марфу одной рукой к себе лицом и продолжил, – Никто мне больше не нужен. Так и знай. Я и на войне о тебе думал. Вот так. Поступил тогда с тобой, как сволочь. Испугался я тогда. Теперь-то тебя никуда не отпущу...

Марфа хотела снова отвернуться, но Семен вцепился в её губы и грубо поцеловал. Девушку резко обдало табаком, её замутило, она стукнула его три раза кулачком по груди и отстранилась к стене:

– Отпусти, сатана! – крикнула она и тут же побежала прочь по лестнице в сторону своей комнаты.

Через неделю Семен уже гулял с Машей Быковой и как будто не замечал Марфы. Легче стало ей тогда, даже заулыбалась. А вскоре ей предложили койку в новой общежитии. Комната всего на три места, а не на шесть-восемь, как сейчас. Марфа сразу же согласилась, собрала все свои вещи и переехала в новый деревянный дом. Там в комнате уже жили две девушки: Наталья Кузнецова и Ольга Трошина. Они привет-

ливо встретили её, сразу усадили её за стол, налили чай. С ними Марфа почувствовала себя как то спокойнее, как с давними подругами.

– Тебе уже отдельную комнату положено,– говорила Ольга,– А тебя к нам.

– Так строят еще. Некуда пока селить,– отвечала Марфа,– Да и одной не привычно жить. А тут все-таки люди.

– Верно. Одному жить не выгодно,– согласилась Наталья,– Вместе веселее и сподручнее даже.

Что у Ольги, что у Натальи война забрала всех близких. Обе они были беженками и остались тут при заводе. Спокойные, дружелюбные девушки сразу понравились Марфе.

Иногда вечерами девушки всплакивали, вспоминали свои последние дни на родной земле:

– Успела я в лесу только схорониться, а когда обратно в село вернулась, то шла уже по углям и по трупам и от хаты нашей только печь сохранилась, а рядом... виселицы... все мои там... ох, проклятые немцы... трижды проклятые... нелюди...– вспоминала Ольга.

– А моих всех сожгли в бане. Я и сестра младшая в это время на речке были, белье полоскали. Слышим крики, побежали, а мне с холма дед Самойла рукой машет, чтоб не ходили, схоронились. Я его тогда сразу поняла. Спрятались мы с сестрой в лесу у речки, долго боялись выйти, а потом вернулись, а там... Ходили потом с сестрой по людям... а зимой сестра заболела и умерла. Перед смертью она мне сказала: "

Наташенька, выживи и отомсти". А как я отомщу? Меня из-за зрения на фронт не взяли, просилась, не пустили. Теперь тут. Вот так.

В конце марта зазвенела первая капель, запели птицы на голых деревьях, воздух стал пахуч и резок, а весеннее солнце освещало все вокруг, делая Заводское каким-то ласковым и родным. В один из таких дней Марфа возвращалась к себе в комнату, как прямо у дверей к ней подбежал почтальон и сунул ей письмо. Марфа от неожиданности остолбенела, и минуты три рассматривала его, не понимая как будто что с ним делать. Уже войдя в комнату, она не снимая пальто, села за стол и, развернув письмо, стала жадно его читать.

" Дорогая, Марфочка, как ты там живешь? Наверное, ты потеряла меня? Я долго был без памяти, ничего не помнил, лежал в разных госпиталях... Ты прости... Вернусь скоро... Жди...". Марфа перечитывала письмо раз за разом, потом сняла пальто и села на кровать. По щекам её лились слезы от счастья, и она не успевала их вытирать.

В этот же день рассказала обо всем Наталье и Ольги. Те обрадовались за неё, даже вытащили остатки варенья к чаю. Такой день!

Марфа быстро написала письмо Леониду и теперь каждый день выглядывала по утрам в окно. А вдруг он стоит там и ждет её? По выходным ей было легче, она просто шла на вокзал и долго там сидела, высматривала в пассажирах Леонида. И так день за днем, пока иногда ей не стало мерещить-

ся, что он стоит под окном. И тогда она выбегала на улицу и долго искала глазами свой мираж, а потом разочарованная, возвращалась в комнату обратно.

Наступил уже май, прошли первомайские демонстрации, запахло сиренью, затянул в его ветвях любовную песню соловей. Марфа шла после смены и по привычке вглядывалась в лица пришедших солдат с фронта. Она не сразу почувствовала, как кто-то её дергает за рукав пиджака. Марфа развернулась и увидела тут же Семена. Он немного шатался, не мог стоять как будто на месте, от него пахло водкой и чем кислым, противным:

– Марфа, здравствуй... – проговорил он немного заплетаящимся языком, – Здравствуй, говорю...

– Здравствуй, Семен. Почему третий день на работу не выходишь?

– Пью! Вот так! Марфа... сгину без тебя... сгину... Жить без тебя не могу...

– Сможешь, Семен, сможешь. Шел бы ты домой. Наверняка Маша ждет, волнуется...

– К чертовой матери её! Проклятье, а не жизнь! Жить не хочу! Гадина, а не жизнь!

Он отпустил рукав пиджака Марфы и сделал шаг вперед:

– Марфа... Марфа...

Девушка попятилась от него:

– Иди к жене, Семен. Иди, Бога ради!

– Ну и уйду! Только знай, умру из-за тебя! Слышишь?

Слышишь?— он развернулся и пошел прочь.

Марфа посмотрела ему вслед. На душе стало как то не хорошо. Хотелось догнать его, успокоить, да не смогла. В тот же вечер Семена доставали из реки мужики. Хотел он утопиться пьяный, да не получилось. Маша же, его жена, сразу поняла в чем дело и заявила на Марфу, будто разваливает та их семью.

Слухи быстро разбрелись среди заводских, провели собрание и Марфу сняли с бригадирства, снова поставив звеньевой. Не дело это бригадирше иметь низкий моральный облик! За Марфу только и вступились Наталья да Ольга, а все остальные дружно её хаяли и клеветали.

Обидно было Марфе, плакала она ночами напролет, ходила с опухшими, красными глазами, на работе говорила с людьми только по делу. На Семена глаз не поднимала, старалась обходить его стороной, а тот тоже не подходил, как будто боялся.

К счастью скоро случилась долгожданная Победа. В этот день все разом забыли о Марфе и о других происшествиях. Поздравляли друг друга на заводе, на улице, накрывали столы во дворах, в комнатах с нехитрой закуской, пели песни, танцевали, плакали от счастья. На улицах хмельные люди целовали других хмельных людей, кричали "Ура" и гуляли до рассвета.

Теперь, что день, что ночь, все было едино. С этого дня все чаще и чаще можно было заметить новые лица на улицах по-

селка, солдат, инвалидов. Каждый день играла гармонь где-нибудь за углом, и распевались пьяные песни, плакали женщины, справлялись новые свадьбы. Вот и дожили до Победы!

В общежитие девушки устроили по этому поводу "пир". Достали водку, поставили на стол квашеной капусты, картошки наварили и селедку на базаре достали. Пили втроем, плакали, пели песни и все не верили, что наступили мирные дни.

– Теперь то и замуж можно и детей родить, – говорила Наталья, – Теперь уже не страшно!

– Теперь мы ого-го дел наворотим! – весело подмигивала Ольга.

– Наворотим, и за себя и за тех, кого уже с нами нет... – добавила Наталья и выпила рюмку залпом.

В конце мая Ольга Трошина привела в комнату молодого солдата и объявила:

– Это Алексей и мы сегодня женимся!

Девушки тогда оторвались от своих дел и удивились разом:

– Когда же вы успели познакомиться? – спросила удивленно Наталья.

– Еще вчера. Мы все решили и это наше обоюдное решение!

Марфа и Наталья ахнули, потом быстро нарядились, как могли, и побежали с молодыми в загс, а после собрали заку-

ки на стол и сидели справляли, так долго, пока Алексея не выгнала Меланья Серафимовна.

Через неделю Ольга переехала жить к Алексею в съемную комнату на краю поселка, а Наталья и Марфа остались одни. Каждый день Марфа просыпалась с рассветом и подходила к окну. Она все еще ждала Леонида.

– А может зря ты это?– заметила однажды Наталья,– Может, зря ты душу свою терзаешь?

Марфа опустила голову:

– Придет он. Знаю точно, что придет.

– Ну, смотри, как знаешь...– махнула тогда на неё рукой Наталья,– А то тут о тебе уже спрашивали.

– Кто?

– Да так, один приезжий. Захаром звать, на стройке тут работает.

– Некогда мне по свиданиям бегать, да и жениха жду. Сама же знаешь.

– Вот и говорю; как знаешь... Сама с ним загуляю. Правда, он на одно ухо туговат. Говорит, на войне слуха лишился. А на лицо, так совсем, видный мужчина.

Иногда Марфе становилось так тошно, что она выходила во двор и сворачивала в яблоневый молодой сад, что высадили лишь этой весной. На сад он сейчас был похож меньше всего, но сидеть на скамейке возле молодых деревьев, с такими тонкими прутиками, вместо ветвей, было приятнее, чем в четырех стенах.

Вот придет Леонид и она обязательно его приведет сюда и во всем ему признается тут среди этих яблонь.

Вот только время шло, а Леонид все не приходил и писем не присылал. Наступил уже август, в комнату им подселили молоденькую девушку из деревни – Ирину Чернову. Она каждое утро дергалась и ругалась, от того, что Марфа вставала очень рано и часто начинала ходить туда-сюда, либо что-то ронять. Сложно было Ире привыкнуть к новым подругам, не сразу с ними сдружилась.

В сентябре, в тот день, когда моросил холодный противный дождь, к Марфе пришла Ольга Георгиевна. Её было не узнать. Она была очень худая, бледная, сгорбившийся, как старушка, под её глазами виднелись черные круги. Марфа быстро сняла с неё мокрый плащ, усадила её за стол, налила чаю и села рядом:

– Что же в такую погоду гуляете, Ольга Георгиевна? Не ровен час, заболейте.

Женщина грустно улыбнулась и провела пальцем по каемке чашки:

– Тебя захотела увидеть. Может уже в последний раз...

– Что вы такое говорите?

– Я очень больна, Марфа. Очень. Но ты об этом не думай. Это судьба. Марфа... – она тяжело вздохнула, – Я хочу тебе кое-что передать, – она взяла осторожно в руки сумку, которую принесла с собой и вытащила оттуда бархатный черный мешочек, – Вот. Столовое серебро и перстень золо-

той. Не смотри так, не краденное. Даренное все, а передать и некому. Перстень жених мой когда-то дарил, да и серебро от него же. Держи, Марфа, теперь это твое.

Марфа сидела рядом и хлопала непонимающе глазами:

– Что вы...

– Бери- бери! Не смей мне отказывать! Дожила я до Победы, а теперь можно и на покой...

На глазах Марфы заблестели слезы:

– Что вы такое говорите...

– Подорвала я свое здоровье в эвакуации, Марфа. Сильно подорвала. Холод меня сгубил, да работа не по силам. Ничего не поделаешь. Знаю, осталось мне мало.

Марфа крепко обняла за шею Ольгу Георгиевну, потом вытерев слезы, села на свою кровать.

– Не переживай ты так, Марфа,– успокаивала её Ольга Георгиевна,– Всему свое время. Вот и мое время скоро придет.

Через неделю Ольга Георгиевна скончалась на больничной койке. На её похоронах было мало людей. Долго Марфа стояла над её могилой и роняла слезы, понимая, что на одного хорошего человека стало еще меньше на этой земле.

Глава 6

В середине декабря 1945 года в поселке Заводском разыгралась страшная метель. Никогда не было такого в декабре, а тут все замело и снега так много, что казалось, будто зима наступила уже давно. Собаки попрятались под домами, люди старались не высовываться из теплых жилищ. Два дня подряд мело без продыху, замело даже окна, фонари, как будто стали ниже. Люди, которым пришлось оказаться в эти дни на улицах поселка, покоряли сугробы, словно горы, помогая иногда друг другу, пыхтя, закрывая шарфами свои лица. Кругом все белым бело! Белый ад, не иначе! Еле добралась в тот день Марфа до общежития и долго сушила свои сапоги, грелась под одеялом. Так долго она еще никогда не добиралась до дома. Одна неизвестная женщина ей помогла взобраться на сугроб, когда силы почти уже закончились. Устала, замерзла и два раза сбивалась в метели с пути. Теперь, укрывшись одеялом прямо по макушку, старалась заснуть и забыть этот ужасный день.

Утихла метель лишь к ночи, а когда девушки улеглись спать, то в комнату неожиданно постучали. Встала Наталья и в одной сорочке открыла дверь, за которой стояла встревоженная Меланья Серафимовна:

– Лебедева, тебя в больницу просят. Позвонили сейчас и просят приехать. Что-то случилось вроде...

Марфа, ничего не понимая, быстро оделась, обулась и выбежала на занесенную улицу снегом. Как дошла до больницы она и не помнила. Пришла в больницу вся белая, в снегу с красным лицом, выглядывающим из-под шарфа. Встретили её в фойе, усадили на скамейку и сказали:

– Константин Никифорович Лебедев попал сегодня к нам с обморожением нижних конечностей. К сожалению, левую ногу не спасти, придется отрезать. Понимаете? На правой два пальца тоже удалять. Вы понимаете?

– Д-да...

– Вот такие дела. Вы вещи его заберите. Его когда нашли, они с ними были.

Марфа почувствовала дурноту, ей стало не хватать вдруг воздуха. Зачем её брат пошел в такую погоду пешком в Заводское? Господи, зачем? В глазах как будто все поплыло, и она закрыла глаза.

Кто-то поднес ей стакан воды:

– Вы попейте, станет легче...

– Д-да... конечно...

Марфа не поднимая глаз, взяла трясущимися руками стакан и жадно из него отпила. Все тело её дрожало, била дрожь, мутило. Ей скоро передали холщевую сумку с каким то бельем брата. Она выбрала из него, то, что может ему понадобится в больнице, остальное решила забрать.

Ходила теперь каждый день к нему в больницу, навещала его, приносила домашней еды, рассказывала какие-нибудь

не замысловатые новости. Она часто смотрела на простынь, под которой была иллюзия целой ноги и не могла поверить, что, то, что ниже колена просто отсутствовало. Невозможно было поверить, что у брата по колено отняли ногу. Не может просто этого быть!

А вскоре приехала мать с Зиной из Ягодного. На всю палату стоял стон и плач. Мать кричала что то, падала на кровать и рыдала около брата. Три раза им грозились, что проведут их на улицу, но она не унималась. Как теперь жить молодому парню без ноги было не понятно. И зачем он из Сухого Оврага попёрся в Заводское? Что за напасть? Костя не мог объяснить толком. Захотел и все тут. Мать с Зиной решили его забрать после больницы с собой, а там, в колхозе что-нибудь придумают, без работы парня не оставят.

Весной, уже в 1946 году, прямо в начале мая, Марфа с боем выпросила отпуск и поехала в Ягодное. Ей надо было помочь вскопать огород, высадить картошку, редис, лук. От брата мало было проку, Зина тоже так себе помощник.

Работала не щадя себя, пока не возвращалась в избу без сил и падала в постель. И так каждый день своего отпуска.

– Эх, доченька, доченька... Дожили до такого...,- жаловалась ей мать, – Еле до весны дотянули. Думала уже с протянутой рукой по избам пойти. Все уж пустое в амбаре и картошки семенной пришлось немало поесть. Как следующий год то проживем, совсем не знаю. Тут еще и Зинка чудит, нет-нет, да начнет самогонку хлестать. Бывает, на три дня

пропадет. Ох, беда-беда...

Марфа слушала её, вздыхала. Но что она может? Чем может помочь? Всем сейчас сложно, мало кто доедает, мало, кто радостно живет.

В один из дней отпуска решила она спуститься в овраг, как в детстве. Спустилась осторожно, стала гулять между деревьями, искать тот самый старый дуб. Конечно ручья, как во сне, тут и в помине не было. Так, только по весне лужи, да озера, которые вскоре подсыхали.

Она спокойно гуляла, вдыхала свежий воздух и вскоре оказалась у того самого раскидистого дуба. Села под него, закрыла глаза и так заснула. Когда открыла глаза, сразу же услышала треск ветки около себя. Вскочила на ноги, оглянулась и встретила глазами с невысоким мужчиной с проседью в волосах. Видимо, он не ожидал здесь кого-то увидеть, поэтому стоял удивленно на месте и не мог сдвинуться.

– Здравствуйте..., – проговорила Марфа.

– И вам доброго дня..., – немного скрипуче ответил мужчина.

– Вы меня напугали.

– Вы меня тоже. Вы не местная?

Марфа удивилась вопросу:

– Как это? Я тут родилась! А вы откуда?

– Теперь местный. Второй год тут живу. Тихон Даниилович Макаров. А вы?

– Я? Марфа... Марфа Никифоровна Лебедева.

– Вы дочка Варвары Федоровны?

– Да.

– Очень приятно. Я первый месяц жил в вашем доме. Так получилось, что в доме, который мне выделил колхоз, прохудилась крыша. Пока чинил, пока материал нашел... Я вообще-то городской... мало приспособлен к деревенскому образу жизни...

Марфа немного его смутилась, поправила на себе юбку и, решила было уже идти домой, как голос мужчины её остановил:

– Марфа, мне было очень приятно с вами познакомиться.

– Всего доброго...

– Передавайте от меня привет вашей матушке.

Как только Марфа вошла в избу, она рассказала о своей встрече матери. Та странно улыбнулась, но ничего не ответила. Вечером, когда дверь уже заперли на крючок, кто-то требовательно забарабанил в окно. Варвара Федоровна вздрогнула, но накинув на себя шаль, подошла и спросила:

– Кто?

– Это Тихон Даниилович, принес лопату. Помните, я у вас брал?

– Помню-помню...

Варвара Федоровна быстро впустила мужчину в дом, забрала из его рук лопату и пригласила за стол:

– Коль пришли, так пожалуйста за стол, Тихон Даниилович. Чай попьем.

Марфа удивилась такому позднему визиту. Быстро оделась и тоже прошла за стол. Мужчина поднял на неё свои голубые глаза и тут же вскочил с места:

– Доброго вечера, Марфа Никифоровна...

Марфа покраснела от смущения:

– И вам доброго вечера...

– Побеспокоил я вас. Не спиться таким, как я и другим не даю...

– Ничего.

В гостях он пробыл не долго, разговор шел не ладно, поэтому вскоре еще раз извинился и поспешил домой. Как только Варвара Федоровна закрыла за ним дверь, сразу же произнесла:

– Это он не ко мне приходил, доченька, а к тебе.

– Бросьте, мама! – отмахнулась Марфа.

– И не смотри, что седина у него. Ему и сорока нет. Это он на войне поседел. Не женат и без детей. Это наш новый ветеринар. Ты присмотрись, а то и этого упустишь. За ним и так бабы хвостом ходят.

– Пускай ходят...

– Не дури, доченька, не дури...

Но Марфа и слушать мать не хотела. На следующий день она уже уехала обратно в Заводской. Снова начались будние дни, снова раннее пробуждение и вечное ожидания прибытия Лёни...

Глава 7

За окном уже был конец июня, когда Марфе снова почудилось, что увидела Лёню. Она выскочила в халате на улицу босиком, и какое-то время разглядывала пустую улицу. Потом прошла на скамейку и долго плакала на ней.

– Марфа?

Знакомый голос неожиданно вырвал её из страданий и заставил поднять глаза. Возле неё стоял Тихон Даниилович.

– Марфа, узнаете меня? Я Тихон. Почему вы плачете? Почему вы тут ...,— он замялся, рассматривая её – Давайте я вас провожу до дома.

– Н-не надо... тут мой дом... Что вы тут делаете?

– Приехал к фронтовому другу. Он написал, что прибыл к вам в свой родительский дом и строит у вас новую школу.

– Вот как... Так идите, не тратьте на меня время...

– Марфа, вы плохо себя чувствуете? Вас кто-то обидел?

Марфа посмотрела, куда-то в сторону и ответила:

– Не стоит, Тихон Даниилович. Идите своей дорогой...

Тихон же засунул руку в пиджак и вытащил оттуда смятую бумажку. Он протянул её Марфе и произнес:

– Вот. Это адрес моего друга. Я его уже наизусть запомнил. Я буду у него гостить ровно три дня. Если вам нужна будет помощь, приходите, пожалуйста. Прошу, возьмите адрес.

Марфа осторожно взяла бумажку с адресом и сжала его в кулачке. Она долго смотрела вслед уходящему мужчине, а потом решила вернуться обратно в комнату.

На заводе в этот день тоже произошел интересный случай. Как только Тонька Рыжова или, в народе просто Тонька Рыжая, вернулась с декрета, снова стала бригадиршей. С того дня каждый день происходили скандалы. Тонька кидалась на всех, всех подозревала в связи со своим сожителем. Видимо от этого безобразия и жалоб на Тоньку так устала Раиса Леонидовна, что в этот день сняла ту с бригадирства и назначила снова Марфу на её место.

– Смотри, не подведи меня, Марфа, – грозилась начальница, – Мне поставить больше некого. Уже ставила Розу Ахметову, намаялась я с ней. Вспоминать тошно. Знаю, нелегко это быть ответственной, но ты сможешь. И наладь ты отношения с девками. Тебе же легче станет. И с мастером только на "вы". Он, Семен Ярославич, человек понимающий, но помни, что семейный. Не доводи до греха.

Да, Семен теперь был мастером смены. Вот так судьба сыграла. Как с ним работать Марфа не знала, но и отказать начальнице не могла. Хоть плач, ничего не изменить.

Домой в общежитие возвращалась она подавленная, вся в думках. Наташа быстро разлила чай, поставила сковородку с картошкой на стол, но Марфа даже не притронулась.

– Странная ты сегодня, Марфа. Что с тобой происходит?

– Не знаю, Наташ. Что-то происходит...

– Вот не пойму тебя. Её обратно бригадиром сделали, а она сникла. Ну и плюнь ты на этого Семена! От него на станках толку нет, вот и поставили его мастером. Так хоть погорланит на баб и работа вроде идет.

– Наташка, да разве я об этом горюю? Плохо мне... вот и все...

– Твое конечно дело, но по мне, так и ждать своего Лёню давно пора перестать. Мучаешь себя только, не живешь, а существуешь. Сама себя казнишь, а за что, не понятно.

Марфа тут же вскочила со стула и бросилась на кровать. Уткнувшись лицом в подушку, она даже не плакала, а глухо простонала и лежала так до самого утра.

Утром она как обычно ушла на смену, а после завода пошла по тому адресу, что дал ей Тихон Даниилович. Дом этот находился в частном секторе, недалеко от речки. Почти у каждого дома тут росли ивы и часто сидели на лавочках старухи, что беседовали о былом и осуждали настоящее.

Марфа редко бывала в этом месте и поэтому скоро заплутала и решила спросить у старушек на лавочке:

– Здравствуйте, не подскажите, где Речная пятнадцать?

– О-о-о, девонька, прошла ты его уже,– ответила одна из старух,– Иди обратно, а как по левую руку увидишь дом с крашенным зеленым крыльцом, так это он и будет. Только не пойму, к кому ты? Вроде у Якова Фомича нет никого, кроме брата.

– Спасибо вам,– и, не ответив на вопрос старухи, Марфа

быстро пошла обратно, искать зеленое крыльцо.

Нашла его уже скоро. Хоть крыльцо и было покрашено, сама изба была темная, гнилая и покосившиеся от времени. Рядом с крыльцом росла такая же кривая рябина. Страшно было как-то заходить туда, но Марфа набралась смелости и, поднявшись на крыльцо, осторожно отворила дверь.

– Есть кто дома? – она прислушалась к тишине дома, –
Есть кто?

– Марфа! Заходи! – послышался знакомый голос.

Женщина осторожно вошла и прошла в комнату, где за столом сидел Тихон Даниилович с книгой в руках.

– Яшка придет скоро. Пошел в курятник яйца собирать. А ты проходи за стол. Голодная, наверное.

Марфа ожидала, что, скорее всего, увидит тут попойку, развернется и уйдет, но такую картину она не ожидала и застыла на месте.

– Проходи-проходи... – настаивал мужчина, а сам завозился у печи и стал доставать оттуда сковороду с жареной рыбой, – Вот, утром наловили. Маловаты, конечно, но вкусные...

Марфа послушно села за стол, посмотрела внимательно в лицо Тихону. Она вдруг заметила, как он отличается от многих ей знакомых людей. У него были короткие темно-русые волосы с проседью, голубые ясные глаза, аккуратный маленький нос, тонкие губы, аккуратное небольшое лицо и ямочки на щеках. Рост его был не больше метра шестидеся-

ти семи, аккуратные длинные пальцы и немного загорелая кожа. Что-то его отличало от остальных, но она не могла понять, что именно. Засмотрелась неожиданно, а потом засмушалась и отвела взгляд на печку.

– Вы чем-то расстроены, Марфа. Поделитесь, чем?– спросил он её вежливо.

– Зачем вам чужие беды?

– Беду легче пережить, если о ней рассказать.

– Я не могу вам рассказать, вы не поймете.

– Тогда давайте поедим. Любите рыбу?

– Да...

Марфа взяла вилку, что лежала рядом и стала ковырять ей рыбу. Тихон сел напротив и снова принялся читать свою книгу. Это был учебник по ветеринарии.

– А где ваши родные? – вдруг спросила Марфа.

Тихон поднял на неё свои глаза и ответил:

– Никого нет.

– Война?

– Нет. Я рос в приюте. Так получилось.

– Вот оно как... А жена, дети?

– Была жена, но мы расстались еще до войны. Детей не было. А у вас?

– Я не была замужем, и детей нет... мой жених не вернулся с войны...

– Вы его ждете?

Марфа заморгала на него глазами:

– Д-да...

– Значит, он жив?

– Жив... точно знаю, что жив.

Они оба замолчали, опустили глаза, но тишину скоро нарушила сама Марфа:

– Как же вы оказались в Ягодном?

– Меня пригласили. Я служил вместе с Матвеем Макаровым, вот он меня и пригласил. В колхозе теперь и птичник открыт и коровник поставили за место старого, что сгорел. Теперь конюшня строится. А для всей живности ветеринар нужен, а его у вас то и не было.

– А теперь есть, – заметила Марфа, – Раньше у нас только конюшня стояла для завода, а завод фашисты разгромили и сожгли. Теперь уже думала и восстанавливать не будут.

– Что ни делается, все к лучшему...

– Жизнь в приюте, тоже к лучшему? – вдруг сдержила Марфа и тут же покраснела от стыда.

– У меня мать померла при родах, когда мне три года от роду было, а отец с нами не справился и ушел при первой возможности на империалистическую войну, да там и погиб. Бабка тоже в тот же год померла и нас с братом в приют определили. Через год брата не стало, вот я один выжил из всех родных. Много меня потрепало, да я крепче стал. Вот я к чему... Посмотрите на деревья. Те, что холят и лелеют, те хоть и красивые, да чаще погибают, а те, которые мороз бил, ветер ломал, становятся крепче и плоды вкуснее.

– Что же, мучатся всем, прикажите?

– Нет, что вы! Разве я об этом!

– А мне показалось, что об этом... Повезло тем, кто не намучился в этой жизни. Зачем же им завидовать?

– Марфа...

– Меня тоже жизнь не баловала и не балует и что же? Крепче я стала? Плоды дала? Нет, Тихон Даниилович, не стала, и ничего у меня нет.

– Зря вы так...

– Всем хочется пожить и балованным и не балованным...

В их дискуссию неожиданно встрял вернувшийся Яков Фомич. Он удивленно уставился на Марфу и произнес:

– Какие у нас симпатичные гости. Доброго дня, вам, барышня.

Марфа вскочила с места и поздоровалась в ответ:

– Доброго...

Тихон слабо улыбнулся и произнес:

– Знакомьтесь. Это Марфа. Марфа, это хозяин дома – Яков Фомич. Мой друг.

Яков поставил миску с яйцами на сундук, подошел к женщине и протянув ей руку, пожал:

– Очень приятно, Марфа. Даже и не знал, что у этого отшельника бывают такие знакомые.

Марфа снова покраснела:

– Мы... я, наверное, пойду... Не собеседник я сегодня...

– Марфа! – вдруг окликнул её Тихон, – Позвольте, я вас

провожу?

Женщина встала на месте и как то сурово посмотрела на него:

– Как хотите... – пожалала она плечами.

Уже идя рядом по улице, Тихон пытался оправдаться:

– Я когда волнуюсь, такую околесицу несу. Вы меня простите. Наговорил, что к чему не понять.

– Не надо, Тихон Даниилович, это я сама не своя. Нездоровиться, видимо.

" Не поймешь ты, не поймешь ты меня": подумала она про себя. Они шли медленно, рядом, иногда, задевая плечом, друг друга. А как дошли до общежития, Тихон вдруг взял её руки в свои и крепко сжал:

– Марфа, я буду в вашем поселке еще завтра, а потом вернусь в Ягодное. Если вы захотите, приходите на тот же адрес. Я в любом случае буду вас ждать.

Он разжал её руки и встал на месте. Марфа медленно вошла в подъезд и когда уже дошла до комнаты, её руки вдруг задрожали. Она подбежала к окну и посмотрела. Там все так же стоял Тихон, а потом он медленно развернулся и пошел прочь.

" Господи, что же я делаю?": спросила сама себя Марфа.

На следующий день на проходной её уже ждал Тихон с букетом полевых цветов. Он неловко улыбался и так же неловко протянул ей букет. Они гуляли до самого заката по улицам поселка, сидели в новом парке, молчали и редко вздыхали.

– Что же с вами, Марфа? – вдруг нарушил тишину Тихон, – Вы молчите и мне даже страшно подумать почему.

– Мне нечего сказать.

– Вы такая грустная. Вам надо срочно сходить в театр или в кино! Вот, точно, в кино! Мы ведь еще успеем?

Марфа вопросительно на него посмотрела:

– Что вы задумали, Тихон Даниилович?

– Сводить вас в кино! И себя сводить. Давно там не был, – он встал со скамейки и подал Марфе руку, – Пройдемте, дорогая, на сеанс культурной программы.

Марфа не стала сопротивляться. Она послушно пошла за ним в клуб, где успели купить два последних билета. Отсидела весь фильм, почти не шевелясь, а после сеанса позволила себя проводить. Прямо у общежития Тихон снова сжал её руку и быстро, как подросток, чмокнул её в щеку. Марфа дернулась и покраснелась:

– Не балуйте, Тихон Даниилович!

– А вы меня, Марфа, просто Тихоном зовите. Не старик я. Мне всего лишь тридцать семь, – улыбаясь, ответил он.

Марфа высвободила свою руку и побежала прочь в подъезд. Уже в комнате, она долго стояла у окна, пока во дворе не стало пусто.

– Ну, Марфа, ну даешь, – заметила Ирина Чернова, – Вот мужиками крутишь!

– Брось, Ирина, ни кем я не кручу! – строго ответила ей Марфа.

– Крутишь-крутишь. Беспощадная ты, Марфа.

– Тебя забыли спросить! Иди куда шла!

Марфа отвернулась к окну и скрестила на груди руки.

– Тьфу, цаца какая! Посмотрите на неё! Вся такая раста-
кая! – зло заметила Ирина и вышла из комнаты.

На следующий день Тихон уехал обратно в Ягодное и всю неделю Марфа ходила сама не своя. Как только в комнате гасили свет, она часто лежала в постели неподвижно, стараясь не тревожить никого, все думала обо всем, что с ней твориться.

На следующие выходные Марфа пошла на станцию и поехала в Ягодное. В поселке пахло дымом и древесной стружкой. Запахи эти были, как в детстве, когда она была маленькой девочкой и ходила в старую школу. Как же сразу стало хорошо и спокойно на душе. Прошла мимо парка Победы, где на днях поставили памятник воину, а рядом аккуратно лежали букетики полевых цветов. Женщина остановилась у памятника, постояла минут десять, повздыхала, смахнула слезу с ресниц и пошла в сторону отчего дома.

Марфа сначала пришла к матери, провела её и брата. Немного поговорив, выпив чаю, она, собравшись с духом, пошла в дом, где жил Тихон.

Он как раз только вернулся с фермы и умывал руки и лицо у ракушечника. Как только заметил девушку на пороге, удивился и тут же заулыбался:

– Вот так встреча! Вот так гость! Заходи, Марфа! Заходи!

Сейчас чаю попьем.

Марфа прошла за стол и села в уголке у окна. Она рассматривала его комнату, смотрела на прибитые свежие полки на стене, где стояли стопки книг и учебников. Чудно все тут было.

Долго они сидели за столом, болтали о том, о сем. А ближе к ночи Марфа поспешила домой. Почти каждые выходные она теперь ездила в Ягодное и заходила к Тихону, пока неожиданно их отношения не стали более серьезные и домой она стала приходить только по утрам.

Зашептались в Ягодном, побежали сплетни, смотреть на Лебедевых сельские бабы стали косо. Тут мать и стала распекать Марфу при следующем приезде:

– Куда собралась? Опять к ветеринару? А жениться то он на тебе собирается? Или так? Ты дочка меня не позорь! Или замуж иди или хватит бегать к свободному мужику по ночам! Принесешь в подоле, совсем стыдно будет людям в лицо смотреть!

– Мама, да кому какое дело?!

– Уж есть дело! Смотри, вокруг полно умных баб, они своего не упустят. Женят на себе, а тебя он и забудет, как звали!

– Моя жизнь и моя воля: хочу хожу, захочу – брошу!

– Избаловалась ты! Не пущу я тебя к ветеринару! На пороге лягу, а не пущу!

Тут еще и Зинка подхватила песню:

– Уезжай ты к себе, от греха подальше. Нечего тут нас

позорить! Набедокуришь тут, а нам потом в глаза людям не посмотреть! Мы люди простые, по ночам не шастаем!

– Это я виновата! – кричала в слезах мать, – Это я не смогла вас воспитать! Горе-то какое на мою седую голову!

Марфа внимательно смотрела то на мать, то на сестру, а потом резко развернулась, растолкав обоих, и ушла к Тихону. Утром от него она сразу ушла на дорогу, чтобы уехать в Заводское на попутке.

На дворе стояла середина августа. Ночи уже были холодные, а днем снова стояла жара. Пахло по утрам свежей росой и мокрой листвой, туман часто стелился по земле.

Марфа тихонько вошла в комнату общежития, но Наташа уже не спала. Она зашивала что-то на старой юбке и вздыхала.

– Здравствуй, Наташ, – тихонько поздоровалась Марфа.

Наташа подняла на неё грустные глаза:

– Приехала. Садись за стол. Чайник еще горячий.

Марфа послушно села и налила кипятка в стакан. Ей хотелось обо всем рассказать подруге, но что-то её останавливало, не давало откровенничать.

– А мой Захар к Митрюхиной ушел, – произнесла вдруг Наташка, не отрываясь от шитья, – Я теперь снова одинокая. Вот так, не везет мне с мужиками. А еще Семен твой вчера приходил. На "веселе" был, все тебя спрашивал. Любит что ли он тебя?

Марфа вздохнула:

– Любит и разлюбит. Он теперь женатый человек.

– Сама его отдала Быковой.

– Сам ушел.

Наташа оторвалась от шитья и посмотрела на подругу:

– Зря ты так, он ведь и правда тебя любит. Плакал так вчера, аж, сердце заныло.

– У него есть, кому пожалеть. Хватит, Наташ, о нем. Не хочу слышать.

– Дело твое, конечно, только мужиками нынче так не разбрасываются.

– А то, что?

– Одна останешься. И стакан воды некому будет в старости поднести.

– Уж разберусь сама, Наташенька. Не переживай.

Марфа отодвинула от себя стакан с кипятком, встала со стула и стала переодеваться. Сейчас ей хотелось лишь лечь в постель и выспаться.

В следующие выходные она снова засобиралась к Тихону, но как то не удачно сломала каблук на туфлях. Обувшись в наташкины, Марфа поспешила в ремонт обуви, что находился недалеко от клуба и был в общем то единственным в поселке. Как только ей сообщили, что туфли будут готовы только послезавтра, женщина сникла, оставила обувь и ушла расстроенная обратно в общежитие.

Марфа не знала, куда себя деть в этот день. От нервного напряжения она решила "вылечить" себя, перемыв всю ком-

нату, перетерев все полки, обувь, посуду, даже пол в общем коридоре вымола вне своей очереди. Потом вышла в яблоневый сад и сев на скамейку, попробовала читать Тургенева. Ничего не получалось. Марфа закрыла книжку, осмотрела сад и вздохнула. Ей хотелось сейчас быть с Тихоном, обсуждать все на свете, хохотать над его шутками и проснуться утром в его постели, а не сидеть тут одна-одиошенька.

Что же с ней твориться? Неужели она так легко забыла Лёню? Вот так, ждала его, ждала, а встретила Тихона и сразу забыла?

Ей стало стыдно за себя. Мурашки пробежали по коже, и Марфа обхватила себя руками. Сидела она так, уставившись куда то в землю, пока её не потревожил Иркин голос:

– Марфа, скорее! Тебя ищут! Марфа! Лебедева!

Марфа вскочила и поспешила в сторону общежития, забыв книгу на скамейке. В голове в это время крутились мысли о Тихоне, об Ягодном. И когда она завернула к своему подъезду и увидела мужчину в военной форме, она вдруг замедлила шаг и не сразу поняла, кто перед ней. Мужчина снял фуражку, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и внимательно посмотрел на Марфу.

– Здравствуй, Марфа, – глухо произнес он.

Девушка тут же остановилась на месте. Она пригляделась к мужчине и, её вдруг обдало всю холодом. Перед ней стоял её Лёня! У него был шрам на всю левую сторону лица от лба до самого подбородка, неровный такой, в виде зигзага, задев

едва краешек губ. Левый глаз его был мутный, видимо ослеп после травмы. Лицо его осунулось, постарело, морщинки на лбу собрались и возле глаз, а в волосах серебрилась седина. Марфа медленно стала подходить к мужчине, как будто его боясь.

– Здравствуй, Марфа, – повторил мужчина все так же без улыбки.

– Здравствуй, Лёня... – и, встав прямо возле него, посмотрела ему в глаза, – Все-таки жив...

– Жив, почти здоров, почти цел. Я же обещал вернуться, вот сдержал обещанное.

– Сдержал... сдержал...

Леонид поставил свой чемодан на землю и неловко обнял Марфу:

– Приехал, Марфа. Как и обещал, приехал.

Потом отстранился и посмотрел внимательно на женщину:

– А ты изменилась, очень изменилась. Повзрослела.

Марфа почувствовала, что ей становится дурно. Она закрыла глаза, но перед глазами все равно началась какая-то пляска.

– Ох, мне дурно, я присяду... – она тихонько дошла до скамейки и сев на неё, закрыла лицо руками.

– Ты меня не рада видеть? Нашла уже другого? – вдруг строго спросил её Леонид.

Его тон еще больше расстроил Марфу и она, открыв лицо,

посмотрела на него:

– Я рада. Я ждала... очень ждала. Я не могу просто поверить... не могу поверить, что ты вернулся... – она подняла на мужчину глаза и спросила,– Может, поднимемся и попьем чаю?

Леонид снова взял в руки чемодан:

– Что ж, я сразу после поезда к тебе пришел. Можно и чаю.

Они, молча, как чужие друг другу люди, поднялись к ней в комнату. Марфа разлила в стаканы чай, придвинула блюдечко с сахаринном и яблочным вареньем. Она все украдкой смотрела на мужчину, но не чувствовала к нему ничего. Он изменился, стал другой. Как будто это был не её Лёня, а совсем чужой человек.

Из чемодана Леонид достал буханку хлеба, две банки тушенки, коробку конфет и бутылку водки, поставил все это на стол. Марфа оглядела " богатство" и тяжело вздохнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.